

83.3 (2Poc=Pyo) 1

- 45

Л 49

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

1841-1941

4095/5664

670 649 079

РОСТИЗДАТ
1941

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

--	--	--

83.5 (200-190) 1

149

Золотая

В. ЗАКРУТКИН

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

1.

В 1826 г., расправившись с декабристами, на престол вступил император Николай I. Русский народ не случайно прозвал этого царя Николаем Палкиным. Холодный, безжалостный и недоверчивый, грубый и необразованный, Николай, по образному выражению Энгельса, был «самодовольная посредственность, с кругозором ротного командира»*. Страшась развития революционных идей в России, Николай не склонен был заигрывать с либерализмом и дипломатически вести сложную игру; его тридцатилетнее царствование — это разгул воинствующей помещичье-крепостнической реакции, господство деспотизма, к которому царь стремился с «прямой и беззастенчивой самоуверенностью»*.

Николаевская эпоха — эпоха казней и казни, торги, тюрем и шпицрутенов, массовых гонений и быстрой расправы, эпоха «чувствительного цензурного устава, циничного полицейского сыска, всегосударственного шпионажа, сосредоточенного в так называемом Третьем отделении собственной его величе-

МУК Маркс и Энгельс
система муниципальных библиотек г. Омска

с, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 24.
с, Соч., т. II, стр. 259.

162708-1

ОМСКАЯ
ул. Ленина

ства канцелярии, эпоха солдафонской муштры и грубых казарменных окриков.

3028
Нужно ли говорить о том, каким репрессиям подвергалась в эту пору русская литература, как николаевское правительство расправлялось с «вольнодумными» писателями и их произведениями. Герцен справедливо заметил, что история литературы николаевской эпохи — это мартиролог или каторжный реестр; и действительно: не было в это время ни одного русского писателя, который не подвергся бы гонениям или не умер насильственной смертью. В 1826 г. повешен был Рылеев; в 1829 г. погибает отправленный в Персию на растерзание Грибоедов; Надеждина ссылают в Усть-Сысольск; Чаадаева объявляют сумасшедшим; под пулю наемного убийцы ставят Пушкина; Полежаева отдают в солдаты, секут розгами и приводят к гибели; Гоголя доводят до сумасшествия; простуженный на каторге Александр Одоевский умирает от чахотки; ища после долгой якутской каторги гибели, умирает под саблями горцев Бестужев-Марлинский; Герцена, Огарева и Щедрина отправляют в ссылку; Тургенева сажают под арест и ссылают в деревню; Достоевского приговаривают к расстрелу и ссылают на каторгу.

Можно было бы еще и еще продолжать этот скорбный список замученных, зло и грубо уничтоженных николаевским самодержавием русских писателей...

А что в эту пору испытывает русская журналистика? Никто из издателей, за исключением шпиона Третьего отделения Булгарина, не смел касаться политических вопросов. Малейший «промах» вызывал немедленную расправу — арест, ссылку, зы; пускались в ход все средства из арсенала жандармов генерал-адъютанта Бенкендорфа.

Можно было бы привести длинный реестр

журналов и газет, закрытых по распоряжению царя: «Литературная газета» Дельвига, «Телескоп» Надеждина, «Московский телеграф» Полевого, — красноречивое доказательство того, как николаевские жандармы расправлялись с журналистикой.

Существовали темы, о которых вообще не дозволено было рассуждать; к таким темам прежде всего относились: крепостное право, внешняя и внутренняя политика правительства, церковь и пр.

Каждый честный, здравомыслящий человек испытывал в эту пору глубокое страдание и ненавидел всей душой николаевский произвол; об этом хорошо сказал Герцен: «У кого из нас, — писал он, — не было таких минут гнева, когда ненавидишь страну, приносящую только одни мучения в ответ на все великодушные стремления человека, спешащую нас разбудить, чтоб подвергнуть попытке? Кто из нас не желал бы вырваться навсегда из этой тюрьмы, занимающей четвертую часть земного шара, из этой чудовищной империи, где всякий околоточный надзиратель — верховный владыка, а верховный владыка — коронованный околоточный надзиратель? Кто из нас не предавался всем страстям, чтобы забыть этот ад, скованный льдом?»*

И, конечно, всякому уважающему себя писателю очень трудно было привыкнуть к затхлому воздуху этой эпохи, примириться с деспотизмом, рабством и полицейской политикой.

«Надо было, — продолжает Герцен, — приспособиться к неразрешимым сомнениям, к горьчайшим истинам, к собственной немощности, к каждодневным оскорблениям; надо было с самого нежного детства приобрести навык скрывать все, что волнует душу, и не растерять того, что хранилось в ее недрах, — наоборот, надо было дать вырваться из не-

* Герцен, «О развитии революционных идей в России», Избр. соч. в одном томе, ГИХЛ, М., 1937, стр. 403.

В мом гневе всему, что ложилось на сердце. Надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из-за гуманности; надо было обладать беспредельной гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах.»*

В такую тяжелую и страшную эпоху прошел свой короткий литературный путь Михаил Юрьевич Лермонтов. Лермонтова взлелеяла пушкинская поэзия; он воспитался и творчески вырос, учась у мятежной пушкинской музы ненависти и презрению к рабскому строю, ко всему тому, что порабощало человека. Колыбелью творчества Лермонтова было революционное восстание декабристов, удушенных Николаем, но живых в памяти честных людей.

«Он всецело принадлежал к нашему поколению, — писал о Лермонтове Герцен. — Все мы были слишком юны, чтобы принимать участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выгучились сосредоточиваться, скрывать свои думы — и какие думы! То не были уже идеи просвещающего либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкший к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин. Он влачил тяжесть скептицизма во всех своих фантазиях и наслаждениях. Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, — она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украсить цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова — это его поэзия, его мучение, его сила.**»

Могучая и скорбная поэзия Лермонтова, полная

* Герцен, «О развитии революционных идей в России», Избр. соч. в одном томе, ГИЛЛ, М., 1937, стр. 404.

** Там же. стр. 405.

страсти и гнева, силы и укоризны, звучала для современников, как мятежный вызов, как тревожный набат.

В знаменитом отклике на смерть Пушкина Лермонтов, выражая народный гнев, навеки заклеил коронованных убийц, палачей свободы и гения, дворянско-крепостническую банду, и пророчески предрек им грядущий суд.

Пасквилянты и лжесцы, развратники и доносчики, шулера и сплетники, рабы мертвящих традиций, гнусные убийцы, — таковы в представлении Лермонтова люди аристократического «света», надевшие маску внешних приличий. В соннях стихотворений, в драме «Маскарад», в незавершенном романе «Княгиня Лиговская», в прандиозном по замыслу и выполнению романе «Герой нашего времени» Лермонтов рисует картины николаевской России, показывает, как в условиях безвременья появлялись печальные фигуры психологически опустошенных, разочарованных и безнадежно скучающих людей, глубоко страдающих эгоистов и скептиков, подобных Печорину, Евгению Арбенину, Александру Радину и другим лермонтовским героям; как в условиях рабства появлялись фигуры неистовых мстителей, подобных романтическому горбуну Вадиму.

Сильнейшее впечатление производил на современников мятежный образ Демона.

Гордое презрение к рабскому строю, неугасимая ненависть к богу, олицетворяющему извечный застой, мрачное одиночество и душевное опустошение, непрестанные поиски светлых идеалов — таковы черты лермонтовского Демона. Он — царь познания и свободы. Он не знает страха перед богом, его стихия — борьба. Одетый молнией и туманом, он шумно мчится в облаках, вызывая на поединок горную бурю. Ничто не может его сломить. Нет ему успокоенья: бессменная печаль пламенем жжет

его сердце вечного искателя и непримиримого борца.

Не только в восприятии современников, видевших в Демоне символ непримиримости и мятежности, но и в веках остался этот гордый образ выражением благородного беспокойства, выражением тревожных исканий, устремленных к познанию и свободе.

В творчестве Лермонтова, самого глубокого и самого гениального русского романтика, образ Демона был замечательным завершением целой галереи романтических образов. Начиная с юношеских произведений, еще несущих на себе следы широкого влияния Пушкина и Байрона («Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Джюлио», «Литвинка» и др.), и кончая такими шедеврами лермонтовской поэзии, как «Боярин Орша» и особенно «Мцыри», — везде мы встречаем героев, в характере которых в большей или меньшей степени определяющими являются черты демонической мятежности, неудовлетворенности, беспокойства. Идейная направленность такого беспокойства очевидна: прежде всего, она выражает могучее человеческое стремление к свободе, ненависть ко всему, что унижает человека.

Замечательные черты великого русского народа: могучая сила, всеохватывающий размах, стихийная красота безудержной удали, прямотушие и честность, получили наиболее полное художественное выражение в несравненной по богатству красок и прекрасному народному колориту поэме Лермонтова «Песня про купца Калашникова». Белинский справедливо писал, что эта поэма — гениальный образец народной поэзии.

Лермонтов был верным и честным сыном русского народа. Ему, вместе с тем, всегда была чужда национальная нетерпимость; он презирал ограничен-

ный и тупой шовинизм дворянских псевдопатриотов и неизменно обращался к жизни всех народов земли, глубоко уважая их нравы и быт, воспевая их жизнь. Юношеская трагедия «Испанцы», поэмы «Литвинка» и «Джюлио», еврейские мелодии и, особенно, превосходные поэмы из жизни кавказских народов («Каллы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Хаджи-абрек», «Мцыри») и отдельные повести из «Героя нашего времени» («Бэла», «Максим Максимыч») являются блестящим доказательством того, что общечеловеческие мотивы в творчестве Лермонтова были не менее сильны, чем национальные, русские.

Характерно и то, что Лермонтов в пору, когда полицейско-верноподданные писатели, вроде Булгарина, наводнили русскую литературу книгами, оправдывающими и восхваляющими покорение Кавказа, горячо приветствовал мужественных и воинственных сынов Грузии и Кабарды, Чечни и Дагестана, отстаивающих свою независимость. В поэзии Лермонтова один за другим вставали гордые, вольнолюбивые герои кавказских гор, подобные Измаил-Бею, несокрушимо джигиту горных аулов, или прекрасному Мцыри, рвущемуся из стен тесного монастыря в мир борьбы и бури.

Лермонтов никогда не смотрел на поэзию, как на самоцель; его поэзия всегда была глубоко идейна. Пушкин в стихотворении «Пророк», представляющем собой гениальный манифест поэзии, указал на идейно-творческое назначение поэта: обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей. Эта же мысль сквозит в программном стихотворении Лермонтова «Поэт», в котором поэт сравнивается с кинжалом.

Воспламенять бойца для битвы, звучать «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных» — такова благородная задача поэзии с

точки зрения Лермонтова. И он сам, как никто, оставался верен этой идее, создавая гениальные произведения, которые мятежным вихрем носились по России, пробуждая в народе гнев и возмущение против угнетателей.

С неугасающей страстью Лермонтов бичевал равнодушие к бедам народным, преступное безразличие к судьбам отчизны, лакейскую угодливость, барское хамство, пошлую двуличность и бесцельное прожигание жизни — все то, что ядовитым болотным цветком расцвело в эпоху безвременья.

Укоризной и гневом, страданием и горьким упреком звучали такие чудесные стихотворения Лермонтова, как «Дума», «1-е Января», «Есть речи — значенье» и др.

Острый политический лирик, сохранивший, как знамя, свободолюбивые заветы Пушкина и поэтов-декабристов, Лермонтов живо откликался на все события своей эпохи, бросая в лицо самодержавия железный стих, облигый горечью и злостью, и приветствуя каждое проявление революционности в России и в Европе («Жалобы турка», «Прощай, немытая Россия», «О, полно извинять разврат», «10 июля 1830 года», «30 июля 1830 года», «Новгород», «В избушке поздней порою», «Предсказание», «Последний сын вольности» и другие стихотворения и поэмы).

Вся поэзия Лермонтова, весь круг его идей воспитывали в читателях стремление к борьбе за свободную творческую личность. И самое главное то, что в могучей поэзии Лермонтова — гениального романтика и гениального реалиста — нашли самое глубокое лирическое выражение все те человеческие чувства, которые так унижались и подавлялись в рабской стране и которые всегда будут живыми, всегда будут волновать человечество.

Николаевская эпоха убила Лермонтова так же,

как Пушкина, Рылеева, Полежаева и других благородных поборников свободы. Лермонтов погиб в расцвете своего творческого гения, не успев свершить то, о чем мечтал. Но и то, что было создано безвременно погибшим поэтом, навсегда вошло в сокровищницу мирового искусства.

В одном из своих лирических стихотворений Лермонтов сказал: **«Так жизнь скучна, когда боренья нет; мне нужно действовать»**. Великий поэт примером всей своей трагически короткой жизни, полной страданий и гнева, подтвердил эти слова.

Вся его поэзия была, «как горящая лава из огнедышащей горы, как море дождя из тучи, мгновенно объявляющей собою распаленный горизонт, как внезапно прорвавшийся яростный поток, поглощающий окрестность своими сокрушительными волнами.»

Так о великом певце страдания и гнева сказал великий ценитель его бессмертных творений — Белинский.

2.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со второго на третье октября 1814 г. в Москве, в семье Юрия Петровича и Марии Михайловны Лермонтовых.

Отец поэта, Юрий Петрович, был потомком некогда прославленного в Шотландии рода; но, кроме поэтической легенды о Томасе Лермонте — вешем шотландском певце*, у Лермонтовых почти ничего не осталось. Юрий Петрович, после окончания петербургского кадетского корпуса, служил прапорщиком в Кексгольмском пехотном полку, потом состоял при кадетском корпусе и в 1811 г. вышел в отставку с чином капитана.

* Томаса Лермонта изобразил Вальтер Скотт в балладе «Певец Томас». По другой версии предком поэта был владетельный испанский герцог Лерма.

Молодой красивый офицер познакомился с семьей Арсеньевых и влюбился в Марию Арсеньеву — единственную дочь богатой, влиятельной матери. Помимо воли старухи, Юрий Петрович и Марья Михайловна обвенчались и поселились в Тарханах — пензенском поместье Арсеньевых.

Жизнь молодых супругов сложилась несчастливо; Юрий Петрович вскоре охладил к жене, а к тому же Елизавета Алексеевна Арсеньева, недовольная замужеством дочери, доволно часто вмешивалась в ее жизнь и ссорилась с зятем.

Мать Лермонтова, Мария Михайловна, была болезненная и слабая женщина. Когда родился ребенок, к нему приставили кормилицу — крепостную Лукерью.

Воспитанная на сентиментальной поэзии XVIII в., Марья Михайловна писала чувствительные стихи, любила играть на фортепиано и пела своему сыну нежные песни. Позже М. Ю. Лермонтов писал: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

Тархановские крестьяне сохранили о Марии Михайловне хорошие воспоминания и долго рассказывали, как тихая, бледная женщина лечила больных крестьян, переходя от одного двора к другому «с утешением и помощью»*

24 февраля 1817 г. Мария Михайловна Лермонтова умерла, совсем молодой, от чахотки. «Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней», — говорит надпись на надгробном памятнике.

У Юрия Петровича обстоятельства сложились

* Соч. М. Ю. Лермонтова, изд. В. Ф. Рихтера, под ред. П. А. Висковатова, т. VI. Биография, составленная П. А. Висковатовым, М., 1891, стр. 15. Дальше все ссылки на Висковатова — по этому изданию.

так, что ему нельзя было оставаться в Тарханах; вероятно, старуха Арсеньева обвиняла его в преждевременной смерти дочери, осыпала упреками; во всяком случае, через девять дней после смерти жены Юрий Петрович уехал в свою деревушку Кролтовку, оставив пока сына в Тарханах.

Убитая горем Елизавета Алексеевна Арсеньева решила оставить внука у себя; естественное желание Юрия Петровича — не расставаться с сыном — снова вызвало между ними длительную ссору. Известный государственный деятель Александровской эпохи М. М. Сперанский — знакомый Арсеньевых — писал по этому поводу: «Елизавету Алексеевну ожидает крест нового рода: Лермонтов требует к себе сына и едва ли согласится оставить еще на два года. Странный и, говорят, худой человек; таков по крайней мере должен быть всяк, кто Елизавете Алексеевне, воплощенной кротости и терпению, решится делать оскорбление».*

Желая во что бы то ни стало оставить внука у себя, Елизавета Алексеевна написала завещание, по которому все ее земли и имущество должны были перейти к внуку только в том случае, если он будет жить у нее: «Если же, — писала она в завещании, — отец внука моего или ближайшие родственники вознамерятся от имени его — внука моего — истребовать, чем, не скрываю чувств моих, нанесут мне величайшее оскорбление: то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мною движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему, Михайле Юрьевичу Лермонтову, но в род мой Столыпных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в оставшемся после смерти моей имении»**.

* Висковатов, стр. 16.

** В. А. Мануйлов, «Лермонтов. Жизнь и творчество», Учпедгиз, 1939, стр. 7 — 8.

Юрий Петрович, не имея никакой возможности обеспечить сына, скрепя сердце согласился оставить его у бабушки и только изредка приезжал в Тарханы, чтобы повидаться с ним. Так Мишель Лермонтов остался в Тарханах.

По единодушному отзыву родственников он был болезненным, нервным и раздражительным ребенком. Смерть матери и особенно долголетняя ссора бабушки и отца наложили резкую печать на его характер. Позже Лермонтов изобразил свои детские переживания в драмах „Menschen und Liebenschaften“* и «Странный человек» и в десятках лирических стихотворений.

Арсеньева, для которой маленький Лермонтов оставался последним утешением, ничто не жалела для его воспитания. Он был окружен целым штатом нянек, дядек, мамок, которые исполняли любой его каприз; в Тарханы приглашались образованные гувернеры. Из них особенно полюбился Лермонтову бывший сержант наполеоновской гвардии Капе, высокий худощавый француз с орлиным носом. Капе рассказывал своему питомцу о походах Наполеона, о французской революции, о войне 1812 г.

Живой и впечатлительный мальчик интересовался историей и охотно слушал рассказы тархановских дворовых о восстании Емельяна Пугачева, о народном ополчении в годы войны с Наполеоном.** Воображение юного Лермонтова рисовало грандиозные подвиги, рыцарские поединки, разбойничьи приключения.

Первая половина 20-х годов XIX в. — пора высшего расцвета романтизма в России. Кумирами передовой молодежи этого времени были Байрон и Пушкин. Мальчик Лермонтов часто и много читал их произведения и мечтал о подвигах.

* «Люди и страсти».

** В. А. Мануйлов, указ. соч., стр. 10.

Тархановская обстановка не могла не зажечь в сердце ребенка жалости к крепостным крестьянам; по приказу Арсеньевой дворовых подвергали наказаниям — пороли розгами, отдавали в солдаты; в поместье хозяйничала клеветка владелицы — ключница Дарья Григорьевна, злая и придирчивая женщина. (Позже Лермонтов изобразил ее в драме «Люди и страсти»). Неподалеку от Тархан жил свирепый крепостник Мосолов, которого крестьяне называли живодером.*

Арсеньева ни в чем не отказывала внуку: для него была собрана команда «потешных» из дворовых мальчишек, с которыми Лермонтов строил импровизированные крепости, ходил в «походы» и устраивал «сражения». Чтобы мальчик не скучал, в дом взяли для воспитания несколько детей соседних помещиков.

Стремясь укрепить здоровье внука, Арсеньева три раза возила его на кавказские воды, в Горячеводск (нынешний Пятигорск). Обычно из Тархан выезжали целым обозом, с гувернерами, с прислугой, с обильной снедью. На Кавказе жила сестра Арсеньевой, Екатерина Алексеевна Хастатова — владелица поместья «Земной рай».

Кавказская жизнь той поры была полна опасностей. Долголетнее «замирение» Кавказа, в котором позже вынужден был принять участие и Лермонтов, было в разгаре. Горцы постоянно устраивали набеги на занятые русскими селения.

Природа Кавказа и особенно бесконечные рассказы о кавказских удалцах-джигитах пленили воображение Лермонтова. Позже поэт писал: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали; вы к небу меня при-

* В. А. Мануйлов, указ. соч., стр. 11—12.

учили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе...»

Не случайно, поэтому, первые попытки Лермонтова писать стихи неразрывно связаны с темой о природе и людях Кавказа.

В 1825 г. в Петербурге разыгрались события, о которых заговорила вся Россия, — вооруженное восстание декабристов. Восстание закончилось неудачно, но дело декабристов не умерло. В 30-х годах появилась славная плеяда революционеров, разбуженных громом пушек на Сенатской площади. Во главе этой плеяды стал писатель-революционер Герцен.

В Тарханах, конечно, живо интересовались восстанием декабристов, говорили об арестах, о казни пяти вождей тайных обществ, о каторге, на которую были осуждены участники восстания. Два брата Арсеньевой были тесно связаны с декабристами. Дмитрий Алексеевич Столыпин был близко знаком с самым знаменитым вождем республиканцев-южан—Павлом Ивановичем Пестелем; другого брата, Аркадия Алексеевича Столыпина, друга Сперанского, декабристы хотели ввести в состав нового правительства.

Следовательно, Лермонтов еще в Тарханах слышал разговоры о декабристах и, естественно, не оставался к ним равнодушен. Поэт сквозь всю свою жизнь пронес славные традиции революционеров-декабристов и стал непримиримым борцом с самодержавием и крепостничеством.

В 1827 г. Арсеньева решила поместить внука в благородный пансион при Московском университете и выехала с ним в Москву.

Для подготовки к экзаменам к Лермонтову был приглашен хороший педагог, учитель русского и латинского языков Александр Зиновьевич Зиновьев, надзиратель благородного пансиона.

Университетский пансион считался тогда пре-

красным учебным заведением и имел давние педагогические традиции; из его стен вышли многие русские писатели и общественные деятели: Фонзизин, Жуковский, Александр Тургенев, В. Одоевский, Грибоедов и др. В 1828 г. Лермонтова приняли в 4-й класс пансиона.

Воспитанники пансиона очень интересовались литературой, часто устраивали вечера художественного чтения и издавали рукописный журнал «Утренняя заря». В этом журнале была помещена поэма Лермонтова «Индианка» — одно из первых произведений поэта, к сожалению, не сохранившееся.* Среди преподавателей пансиона были известные в ту пору писатели и ученые: прославленный поэт А. Ф. Мерзляков (предполагают, что Мерзляков отдельно занимался с Лермонтовым «на дому»), поэт и переводчик С. Е. Раич; профессор физики М. Г. Павлов, один из первых русских шеллингианцев, образованнейший человек; филолог Д. Н. Дубенский и др.

141959
Лермонтов, уже будучи взрослым, писал: «Начал марать стихи в 1828 году в пансионе». Действительно, первые литературные опыты 14-летнего поэта относятся ко времени его пребывания в пансионе. Еще раньше, в ноябре 1827 г., 13-летний Лермонтов начинает переписывать любимые произведения. До нашего времени сохранилась ученическая тетрадь Лермонтова в голубом бархатном переплете, в которой рукою поэта аккуратно переписаны «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и «Шильонский узник» Байрона в переводе Жуковского.**

Первые опыты юного поэта были мало оригинальны: задумывая то или иное произведение, он обращался к книгам любимых поэтов, заимствовал

* Висковатов, стр. 39.

** Подробное описание этой тетради см. у Висковатова, стр. 43.

у них подчас целые строфы или отдельные выражения, присочинял к этим строфам свои, слегка изменял сюжет, вводил новых действующих лиц и т. п. Так у 14-летнего Лермонтова возникали первые его романтические поэмы «Кавказский пленник», «Корсар» и др., в которых мы встречаем прямые заимствования из Пушкина, Байрона, Дмитриева, Батюшкова.*

Даже эти первые поэтические опыты позволяют заключить, что Лермонтова в самом начале его творческого пути особенно привлекало романтическое направление в литературе.

Романтизм, как стиль, возник в результате общего подъема революционного движения в Европе, но не был явлением идейно однородным: нам известны романтики, мечтавшие о прошлом, лелеявшие мысль о красоте средневековья и уживавшиеся со всякой реакцией (таковы, например, Шатобриан во Франции, Новалис в Германии, Жуковский в России); но существовал и революционный романтизм, лучшими представителями которого были Байрон, Шелли, Пушкин и поэты-декабристы. Революционные романтики воспевали мятежных, демонических героев, людей с сильным характером, которые, порвав с рабской действительностью, уходили на пустынные берега океана, в горы и степи и там искали счастья и свободы. Романтики провозгласили полную свободу творческого воображения художника, впервые обратились к широкому изучению фольклора и истории своей страны. Таким революционным романтиком стал молодой Лермонтов.

За время пребывания в пансионе Лермонтов написал несколько поэм и свыше пятидесяти стихотворений, среди которых встречаются такие, как

* См. Б. М. Эйхенбаум, Лермонтов, 1924 г., стр. 23—27. См. также исследование Б. Неймана, «Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова».

«Жалоба турка» — этот горький упрек стране, «где стонет человек от рабства и цепей». Позже Лермонтов очень сурово относился к своим отроческим стихотворениям и, считая их слабыми, никогда не печатал.

Весной 1830 г., в перу, когда Лермонтов заканчивал пансион, туда приехал император Николай I. Царю не понравился пансион, в котором царил «либеральный дух». За посещением этим последовал царский указ о закрытии пансиона. Лермонтов решил поступить в Московский университет.

3.

Московский университет в годы николаевской реакции был одним из мест, где особенно заметно назревал протест против бесправия и угнетения. Живая мысль изгонялась из официальной университетской науки, но существовали студенческие кружки, в которых постоянно можно было слышать горячие философские и политические споры. Как раз в это время в университете учились Белинский, Герцен, Огарев, Станкевич, К. Аксаков и другие известные общественные деятели. Студенческий кружок, возглавляемый Белинским и Станкевичем, изучал немецкую философию; другой кружок, Герцена — Огарева, увлекался социалистическими идеями французских утопистов и тщательно изучал материалистическую философию.

В университете еще не охотила к уют печальная история студента Александра Полежаева, талантливого поэта, который высмеял в своей поэме «Сашка» самодержавие, дворянство, религию и попов; было известно, что в 1826 г., по приказу Николая I, Полежаева забрили в солдаты и отправили на Кавказ. Годом позже в университете были арестованы студенты братья Критские, которые организовали тайное студенческое общество с целью свержения

самодержавия и установления конституционного правления. У студента Пальмина были обнаружены нелегальные копии революционных стихов Рылеева и Бестужева. В общем, как писал Николаю один верноподанный доносчик, московские студенты «не уважают закона, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти»*.

Широкое освещение университетская жизнь той поры получила в замечательных мемуарах Герцена «Былое и думы». Читая эти мемуары, мы можем понять, какая обстановка окружала Лермонтова в Московском университете. Сам поэт писал позже:

Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками...

За месяц до поступления Лермонтова в университет, в июле 1830 г., весь мир начал следить за революционными событиями во Франции. Парижская «чернь», как писали тогда, подняла восстание; штурмом были взяты городская дума, королевские дворцы Лувр и Тюильри, разгромлена резиденция архиепископа. Король Карл X бежал из Франции. Вскоре началась расправа дворянства и буржуазии с «черныю».

События революции 1830 г. нашли живейший отклик в творчестве Лермонтова. Когда до Москвы дошли слухи о революционном восстании во Франции, он писал, с явным сочувствием к восставшим:

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны...

* См. статью В. В. Баранова в книге «Полежаев. Стихотворения», «Academia», 1933, стр. 70, 86 и др.

А когда стало известно, что Карл X с помощью наемной швейцарской гвардии расстреливал народ на улицах Парижа и потом бежал в Рамбулье, 16-летний студент Лермонтов пишет стихотворение, проникнутое гневом и презрением к королю Карлу — палачу французского народа:

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французам не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан!

Университетские товарищи Лермонтова, вспоминая о нем, говорят, что он не принимал участия в студенческих кружках, почти ни с кем не дружил, а при встречах и разговорах держал себя гордо и замкнуто. Однако, это не значит, что поэт не интересовался общественной жизнью своего времени и не откликался на события, волновавшие его товарищей. Одинокое детство, характер в высшей степени нервный и раздражительный, увлечение ~~байронизмом~~ — все это накладывало на студента Лермонтова неизгладимую печать.

В 1831 г. умер отец поэта, Юрий Петрович. Последние годы жизни Юрия Петровича мало изучены биографами поэта. Лермонтов в стихах, посвященных памяти отца, почему-то называет его «изгнанником», говорит, что он был «светом осужден» и «в людях только зло изведаль». Во всяком случае,

очевидно одно: Юрий Петрович не случайно замкнулся в своей глухой деревне; вероятно, этому предшествовал конфликт его с аристократическим «светом», что не могло пройти мимо внимания студента Лермонтова*.

За два года пребывания в университете Лермонтов возмужал и творчески вырос. Работал он очень много: изучал философию, политические науки, историю, языки, и, кроме того, много писал.

Кроме многочисленных лирических стихотворений, в университетские годы Лермонтовым написан ряд романтических поэм: «Две невольницы», «Джюлио», «Литвинка», «Исповедь», «Последний сын вольности» (1830 г.), «Азраил», «Ангел смерти», «Каллы», «Аул Бастунджи» (1831 г.), «Измаил-Бей», «Моряк» (1832 г.).

Во всех этих поэмах мы встречаем героя с сильным характером и необузданными страстями, человека, который испытывает глубокую трагедию в жизни и ненавидит окружающую его действительность; то он появляется в образе опустошенного, разочарованного Джюлио, который где-то в чужой ему Швеции, в глубине копей скрывается от мира и живет воспоминаниями о погибшей любви; то этот герой предстает в замечательном образе русского вителя Арсения (поэма «Литвинка»), сильного и мужественного человека, с гордым презрением принявшего смерть от рук возлюбленной; то один за другим появляются перед нами мятежные изгнанники неба, мрачные скитальцы, дерзнувшие бросить вызов богу («Азраил») и ненавидящие мелкое и злое человечество («Ангел смерти»); впоследствии эти образы сольются в титаническом, могущественном образе Демона, олицетворяющего

* Отдельные предположения о конфликте Ю. П. Лермонтова см. в статье Б. М. Эйхенбаума «Основные проблемы изучения Лермонтова» («Лит. учеба», 1935, № 6).

вечно живой в человечестве «дух познания и свободы» и непокорный и мятежный дух борьбы.

Особенно привлекали Лермонтова темы, связанные с борьбой за свободу. Как и Пушкин и почти все поэты-декабристы, Лермонтов обращается к теме о легендарном восстании древнерусского витязя новгородца Вадима против деспотизма Рюрика и пишет поэму «Последний сын вольности». В этой поэме, повествуя о подвигах Вадима, поэт как будто намекает на то, что поражение декабристов не означает гибели идей великой борьбы:

... Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнании дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчины верные сыны
Еще надеждою полны;
Так, меж грядями темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.

Вспоминая свои детские впечатления на Кавказе, Лермонтов-студент пишет поэмы, в которых воспевает полную дикой красоты природу Кавказа и свободолюбивых горцев, защищающих родину от русского царизма (поэмы «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Каллы»). Завоевание Кавказа представляется Лермонтову несправедливым порабощением свободных народов. Настроения эти выражены в стихотворении «Кавказу»:

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной;
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей!

Звон славы, злата и цепей?
Нет, прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Действительность представляется 16-летнему поэту средоточием зла и горя. И, должно заметить, черты скептицизма и недоверчиво-отрицательного отношения к земле и богу не были у юноши Лермонтова чем-то наносным, привнесённым извне, в угоду моде, нет, — только «леденящие душу вопросы», неукротимая ненависть к рабству могли вызвать появление у Лермонтова стихов, в которых, обращаясь к смерти, поэт восклицал:

И землю раздоби, гнездо разврата,
Безумства и печали!
Всё, всё берет она у нас обманом,
И не дарит нам ничего, кроме рожденья!
Проклятье этому подарку!

Наблюдая за тем, как разворачивались события, связанные с «холерными» бунтами крестьян в 1830 г. и позже с вооружённым восстанием новгородских военнопоселенцев, читая об июльской революции во Франции, Лермонтов приходил к мысли о закономерности возникновения революций и в стихотворении «Предсказание» рисовал в романтических тонах грядущую революцию в России: время, «когда царей корона упадет» и явится великий вождь — герой — «мощный человек», который отомстит за все горести людей.

Еще находясь в пансионе, Лермонтов делает попытку обратиться к драматургии и начинает писать либретто оперы «Цыганы» — по материалам одноименной поэмы Пушкина; попытка эта осталась незавершенной. Однако, широкий интерес студенчества к театру, любовь к Шиллеру и Шекспиру, бесконечные споры о кумире московской молоде-

жи гениальном русском актере Мючалоуе не прошли мимо внимания Лермонтова. В университетские годы им написаны три романтические пьесы: трагедия «Испанцы» и драмы «Люди и страсти» и «Странный человек».

В трагедии «Испанцы» молодой поэт на фоне мрачной эпохи инквизиции изображает страдания и гибель пламенного юноши-еврея Фернандо. Гонимый дворянами и церковью, разлученный со своей возлюбленной Эмилией, Фернандо гордо и бесстрашно борется с врагами и погибает, сраженный их злодеяниями. Очень ярко и смело Лермонтов нарисовал в трагедии образ лицемерного иезуита и ханжи патера Соррини, «служителя бога», авантюриста и циника; спесивого Алвареца, испанского дворянина; нежную и кроткую Эмилию, ее злую мачеху донну Марию и др.

Драмы «Люди и страсти» и «Странный человек» во многом автобиографичны. В первой из них нарисована картина короткой, печальной жизни Юрия Волина, пылкого, свободолюбивого юноши, который после смерти матери становится объектом диких ссор и распрей между отцом, Николаем Михайловичем Волиным, с одной стороны, и бабушкой Марфой Ивановной Громовой, — с другой.

Юрий Волин нарисован Лермонтовым, как мечтатель романтик, «который с детским простосердечием и доверчивостью кидался в объятия всякого», и «которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства», у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем. Но действительность — несправедливость и злоба, насмешки и козни врагов, неудачная любовь — разбивает юношеские мечты Юрия, и он, приняв яд, умирает. В драме этой нашли свое место сцены, обличающие

крепостничество (жестокая самодурка Громова и ее наперсница Дарья мучают крестьян, секут их на колющие и пр.).

В небольшом предисловии к драме «Странный человек» Лермонтов говорит: «Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет. Лица, изображенные мною, все взяты с природы». Здесь же, в этом предисловии, читаем: «Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня! И этому обществу я отдаю себя на суд».

Главным героем драмы является юноша — поэт Владимир Арбенин, человек с глубоким и язвительным умом и желаниями, «не знающими никакой преграды». Он ненавидит рабство, фальшь и пустоту светской жизни: «Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков — и потому нигде не гожусь».

Лермонтов ввел в пьесу «Странный человек» большую сцену, главным действующим лицом которой стал крепостной крестьянин; он является с горькой жалобой на издевательства помещицы. Выслушав страшный рассказ этого крестьянина, Владимир Арбенин приходит в исступление и кричит, гневно обличая тиранов-помещиков: «О, проклиная ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, выщипывать бороду волосок по волоску! о боже! при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каж-

дый сустав этого крокодила, этой женщины! Один рассказ меня приводит в бешенство!»

Как и Юрий Волин, Владимир Арбенин, раздавленный тяжестью жизни, умирает.

Все три пьесы Лермонтова написаны в пору, когда ему было 16 — 17 лет и любопытно, что их антикрепостнический и богоборческий характер совпадает с такой же идейной направленностью юношеской трагедии студента В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин»: и здесь и там мы встречаем романтические моноюги героев-протестантов, увлечение сильными страстями, свободолюбие героев и пр. Это свидетельствует о том, что Лермонтов и Белинский, учась в Московском университете, жили одинаковыми интересами и были политически близки друг к другу.

В 1832 г. у многих студентов были столкновения с реакционными университетскими профессорами: Маловым, Победоносцевым и др. Белинский, например, ненавидел Победоносцева; однажды во время лекции Победоносцев обратился к нему запальчиво: «Что ты, Белинский, сидишь так спокойно, как будто на шиле, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мне последние слова на чем я останувился?» — «Вы остановились на словах, что я сижу на шиле», — отвечал спокойно и не задумавшись Белинский. Такое же столкновение с Победоносцевым произошло и у Лермонтова. На вопрос Победоносцева во время переходных экзаменов Лермонтов отвечал бойко и уверенно, гораздо шире, чем требовалось. Профессор остановил Лермонтова и сказал: «Я вам этого не читал. Я бы желал, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда вы могли почерпнуть эти знания?» — «Это правда, господин профессор, — отвечал Лермонтов, — вы нам этого, что я сейчас говорил, не читали и не могли читать, потому что это слишком

ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь научными пособиями из своей собственной библиотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранных языках» *.

Подобные столкновения бывали у Лермонтова и с другими профессорами. Это привело к тому, что они, экзаменуя непокорного студента, постарались срезать его. Лермонтов вынужден был покинуть Московский университет.

Вначале он думал поступить в Петербургский университет, но его постигла неудача: в Петербурге не хотели принимать московских студентов на третий курс (Лермонтов закончил два курса в Москве) и предложили вновь начать с первого курса. Кроме того начались разговоры об удлинении университетского курса. Это испугало Лермонтова, и он начал думать о военной службе.

Лермонтов очень любил Москву. С Москвой он связывал многовековую славу русского народа величие военной эпопеи 1812 г. предания о подвигах:

Москва, Москва! Люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла.. Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
Ты жив! Ты жив и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.

Так писал Лермонтов о Москве в поэме «Сашка». С Москвой он связывал и воспоминания о любви к Наталье Федоровне Ивановой, которой посвятил

* Висковатов, стр. 133—134.

тил много лирических стихотворений. Наконец, в Москве жила семья Лопухиных (старик-отец, три дочери и сын), очень дружелюбно расположенная к молодому поэту. Старшая сестра — Мария Александровна — была неизменным другом Лермонтова; младшую — Варвару Александровну — он горячо и нежно любил. Однако, обстоятельства заставили Лермонтова покинуть Москву.

В конце июля или в начале августа 1832 г. 18-летний поэт вместе с бабушкой отправился из Москвы в Петербург.

Неудача с поступлением в Петербургский университет заставила Лермонтова думать о военной службе. За несколько лет до приезда поэта в столицу там была организована школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Обучающиеся в этой школе числились при разных полках и считались на военной службе. Шефом этой школы был брат царя — великий князь Михаил Павлович; к моменту поступления Лермонтова в школу, шеф стал обращать особое внимание на обучение военным наукам, и в школе были введены строгие правила военной службы. В ноябре 1832 г. был подписан приказ о зачислении Лермонтова унтер-офицером в лейб-гвардии гусарский полк с одновременным обучением в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

«Не могу представить себе, — пишет 18-летний юнкер своему московскому другу Марье Александровне Лопухиной, — какое действие произведет на вас моя великая новость: до сих пор я жил для поприща литературного, принес столько жертв своему неблагодарному идолу, и вот теперь я — воин. Быть может тут есть особая воля провидения; быть может этот путь всех короче; и если он не ведет к моей первой цели, может быть по нем дойду до последней цели всего существующего: ведь лучше

умереть с свинцом в груди, чем от медленного старческого истощения» *.

Великий князь Михаил Павлович всеми силами старался уничтожить в школе «дух либерализма»: юнкерам запрещалось, например, читать художественную литературу, иметь «вольную» одежду и т. д.

Среди юнкеров уже сложились традиции лихо-го кавалерийского молодечества: разухабистая удадь, состязание в выпивках, презрение к «штафиркам» — штатским и т. п. Эти традиции юнкерского «товарищества» не могли не коснуться в известной мере и Лермонтова; однако, он внутренне попрежнему оставался независимым и одиноким.

В начале 1833 г., сев на невыезженную лошадь Лермонтов поскакал в манеж; там его лошадь стала беситься, драться с другими лошадьми; одна из них лягнула Лермонтова и расшибла ему ногу до кости. Поэта положили в госпиталь. Думали, что Лермонтову придется оставить военную службу, но он поправился.

Юнкера издавали в школе свой рукописный журнал «Школьная Заря». Журнал этот заполнялся скабресными стихами и рассказами в «юнкерском» духе. Лермонтов написал для этого журнала несколько поэм, избрав себе псевдоним «граф Диарбекир».

Нам известны следующие «юнкерские» поэмы Лермонтова: «Госпиталь», «Петергофский праздник» и «Уланша». И, надо сказать, несмотря на скабресность этих поэм (к ним примыкает еще небольшая поэма «Монго»), они были все же известным этапом в творческом развитии Лермонтова, так как знаменовали первые поиски путей к реализму; так же, как в свое время «легкие» поэмы Пуш-

* Висковатов, стр. 139—140.

кина («Монах», «Тень Фонвизина» и др.), они сыграли свою роль, приведя позже Лермонтова к созданию таких замечательных произведений, как «Тамбовская казначейша» и «Сашка».

Казенно-официальный столичный Петербург мало привлекал Лермонтова; холодная «законность» дворцового этикета, дома, окрашенные в «фирменную» желтую краску, светское бездушие, скучная официально-бюрократическая жизнь, красные воротники многочисленных чинов столичной полиции вызывают у поэта строки, полные презрения и грусти:

Увы, как скучен этот город
С своим туманом и водой.
Куда ни взглянешь — красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой.
Нет милых сплетен — все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!

«Видел я образчики здешнего общества, — пишет Лермонтов М. А. Лопухиной, — дам очень любезных, молодых людей очень воспитанных; все они вместе производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором с первого разу можно заблудиться, потому что хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями»*.

Было бы ошибочным предполагать, что в пору своего пребывания в военной школе Лермонтов был занят только манежем и «юнкерскими» поэмами. Именно там он впервые обращается к прозе и на-

* Лермонтов, Полн. собр. соч. в пяти томах, изд. «Academia», под ред. Б. М. Эйхенбаума, т. V, стр. 510. Все ссылки ниже — по этому изданию.

чинает работу над большим историческим романом о пугачевском движении.

Лермонтов не случайно, конечно, избрал темой своего романа пугачевское движение, как не случайно то, что в это же самое время Пушкин работал над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой»; оба поэта, ненавидя самодержавие и крепостничество, всматривались в исторические судьбы русского народа и обращались к эпохе широкого народного движения.

В письме к М. А. Лопухиной Лермонтов пишет, что, работая над романом, он хотел выразить в нем всю свою ненависть к рабскому строю: «Мой роман сплошное отчаяние; я перерыл всю свою душу, чтобы добыть из нее все, что только способно обратиться в ненависть, и в беспорядке излил все это на бумагу».*

Роман этот не был закончен Лермонтовым и даже не имел названия. Уже после смерти поэта исследователи условно назвали роман «Вадим» — по имени главного героя.

Антикрепостническое направление романа очевидно. Лермонтов рисует в нем ряд сцен, прямо изобличающих крепостничество. Так, вспоминая казнь пугачевского восстания, он пишет: «Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь их могла смыть эти постыдные летописи».

В центре романа романтическая фигура горбуна Вадима, юноши с необузданными демоническими страстями. Когда Вадим был ребенком, его отца разорил богатый помещик Палицын. Вадим поклялся отомстить Палицыну. Не зная происхождения горбуна-нищего, но заметив его огромную физическую

* Лермонтов, Соч., т. V, стр. 510.

силу, Палицын берет его к себе стремяльным. В доме Палицыных воспитывается родная сестра Вадима Ольга, которая любит молодого Юрия Палицына. Вадим открывается ей и зовет к отлучению за родителей. Ольга колеблется. Между тем начинается пугачевское движение, и Вадим под именем Красной шапки становится одним из пугачевских атаманов. Роман обрывается на том, что Вадим ищет убежавшего Палицына, чтобы убить его.

Лермонтов писал «Вадима» в духе модной тогда романтической прозы Виктора Гюго, Вальтера Скотта, Марлинского. В романе много развернутых романтических сравнений, обилие эпитетов и метафор.

Лермонтова-романтика угнетала и возмущала рабская жизнь современного ему общества. В эту пору им написано замечательное стихотворение, в котором, подчеркивая свое одиночество и неукротимую мятежность, поэт воспел счастье борьбы и призывал бурю:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит.
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой, —
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой.

В ноябре 1834 г., после двухгодичного пребывания в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, Лермонтов был произведен в корнеты лейб-гвардии гусарского полка и направлен в полк, который стоял в Царском Селе.

Наконец, 20-летний поэт начал долгожданную самостоятельную жизнь гвардейского офицера.

Жизнь эта отличалась от юнкерской школы разве только большей свободой. Лермонтов невольно должен был жить так, как жили его приятели-гвардейцы: товарищеские кутежи, парады, разводы, дежурства, столичные балы и пирушки, буйная удаль, задорные шалости — все это обязательно входило в круг жизни гвардейского офицерства. И Лермонтов принимал во всем этом не менее активное участие, чем его друзья. Сохранились воспоминания о некоторых «гусарских» проделках поэта.

Так, однажды, прискакав на тройках из Царского Села в Петербург, Лермонтов и его друзья расписались в книге проезжающих у дежурного офицера на заставе: маркиз Глупиньон, дон Скотилло, лорд Дураксон, барон Думшвейн, пан Глупчинский и российский дворянин Скот-Чурбанов. Последнюю фамилию торжественно начертал Лермонтов, не желая лишать себя удовольствия лишний раз дать определение «российского дворянства»*.

Довольно часто Лермонтову приходилось сидеть на гауптвахте. Один раз он явился, например, на развод к великому князю Михаилу Павловичу с игрушечной детской саблей и был посажен под арест. После этого Лермонтов достал себе саблю невероятной величины и, гремя ею о панель, производил ужасный шум, за что был вторично арестован великим князем.**

Однако ни светские удовольствия, ни гусарская жизнь не угасили в Лермонтове поэтического огня. Вся эта «жизни мышья беготня» (Пушкин) во многом была для молодого поэта чем-то внешним, наносным, проходила стороной.

В эти годы Лермонтов особенно сближается со своим давним приятелем Святославом Афанасьевичем

* Висковатов, стр. 196.

** Там же, стр. 198.

чем Раевским (1809—1876), который по окончании Московского университета служил чиновником в министерстве финансов, а потом в департаменте государственных имуществ. С. А. Раевский воспитывался в Тарханах вместе с Лермонтовым (он был крестник Е. А. Арсеньевой), любил и хорошо знал литературу. Живя в Петербурге, Раевский очень интересовался творчеством Лермонтова, хлопотал о его литературных делах, а иногда даже помогал разрабатывать сюжеты и переписывал набело лермонтовские черновики. Так, Раевский много усилий приложил к тому, чтобы цензура пропустила «Маскарад», но все его старания не увенчались успехом.

«Маскарад» — наиболее замечательное произведение Лермонтова-драматурга—написан им в 1835—1836 гг. Это одна из самых беспощадных в своей правдивости картин жизни аристократического света. Идейная сущность «Маскарада» прекрасно раскрыта в стихотворении Лермонтова «1-е Января 1840 года», где гневно изобличаются бездушные и пустота светских людей — масок и в лицо им бросается «железный стих, облитый горечью и злостью».

Драма «Маскарад» и была таким железным стихом, зло и горько обличающим светскую жизнь. В драме нарисована трагическая судьба Евгения Арбенина и его жены Нины. Сам выросший в свете, плоть от плоти и кровь от крови его, Арбенин с годами стал презирать свет и думал найти спасение в любви к Нине, которая была для него олицетворением жизненной чистоты. Ничтожная случайность—потеря браслета в маскараде — и злые сплетни великосветских интриганов вызвали не только мучительную ревность Арбенина, но и привели его к мысли о преступности человечества. Полагая, что он казнит в Нине лицемерие и обман, Арбенин отравляет ее и только после смерти Нины узнает о

том, что она невиновна и что он сам стал жертвой света.

В «Маскараде» изображены люди большого света: сплетники, интриганы, шулера, бездушные кокетки. Это вызвало отпор царской цензуры. Лермонтов, которому очень хотелось увидеть свою драму на сцене, был вынужден три раза переделывать «Маскарад», смягчая сюжет, но тщетно: цензура так и не разрешила представление «Маскарада».

В 1835 г. в журнале «Библиотека для чтения» вдруг, неожиданно для самого Лермонтова, появилась его поэма из кавказской жизни «Хаджи-абрек». Оказывается, приятель поэта Н. Д. Юрьев, не спросив Лермонтова, взял рукопись «Хаджи-абрека» и отнес ее редактору «Библиотеки для чтения». Это было первое произведение Лермонтова, появившееся в печати. Сам Лермонтов, будучи очень взыскательным художником, не думал печатать «Хаджи-абрека» и поэтому рассердился на Юрьева. Но поэма не встретила осуждения критики, и поэт простил своего ретивого товарища.

В мае 1835 г. Варвара Александровна Лопухина, девушка, которую поэт горячо любил, вышла замуж за состоятельного, но довольно ограниченного чиновника Бахметева. Замужество В. А. Лопухиной, как вспоминает А. П. Шан-Гирей, двоюродный брат Лермонтова, поэт переживал очень тяжело. Это событие нашло отражение в нескольких произведениях Лермонтова.

Так, в 1836 г., отдыхая в Тарханах, Лермонтов написал драму «Два брата» — произведение во многом автобиографическое. В драме изображается судьба братьев Александра и Юрия Радиных. Оба они — и разочарованный скептик Александр (отдельные черты которого Лермонтов позже перенес в характер Печорина) и вдохновенный, пылкий Юрий — любят молодую княгиню Веру Лиговскую,

которая раньше когда-то любила Юрия, а потом вышла замуж за богатого князя Лиговского. Горьким упреком звучат слова Юрия Радица, упрекающего Веру за ее поступок:

«Миллион... да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени. Господин миллион — тут все... Сколько прелести в миллионе. Наряды, подарки, вся утонченность фрескоши, извинение всех слабостей, недостатков, уважение, любовь, дружба... Да, княгиня, миллион — вещь ужасная».

Весной 1836 г. Лермонтов начинает работу над романом «Княгиня Лиговская». Есть предположение, что соавтором Лермонтова был С. А. Раевский; ему Лермонтов сообщал о «Княгине Лиговской»: «Роман, который мы с тобой писали, затянулся и вряд ли кончится». Здесь впервые появляется у Лермонтова образ Печорина, который позже был гениально развит в романе «Герой нашего времени».

Следует заметить, что Лермонтов, не печатая своих произведений («Хаджи-абрек», опубликованный в 1835 г., прошел почти незамеченным), не был тогда известен широким кругам читателей. Известность пришла к нему в те дни, когда вся передовая Россия была потрясена трагической гибелью Пушкина.

4.

27 января 1837 г. Пушкин стрелялся с бароном Жоржем Дантесом, бежавшим после французской революции в Россию и обласканным Николаем. Пуля убийцы сразила величайшего русского поэта; 29 января, в 2 часа 45 минут пополудни, после страшных мучений, Пушкин умер. Квартиру поэта заполнили шпионы императора; «Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большем количестве не друзья, а жандармы», — писал П. А. Вяземский. Дочь Карамзина, Екатерина Нико-

лаевна, оставила яркие воспоминания об отношении к умершему Пушкину народа и знати:

«Множество людей всех возрастов и всякого звания непрерывно теснились пестрою толпою вокруг гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли ктонибудь и сожалел о краткости его блестящего прищца. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта... И в то же время раздавались похвалы поведению гнусного оболъстителя и проходимца, у которого было три отечества и два имени».*

Известный европейский дипломат Франц-Денери в письме к герцогу де-Блака говорил о том, что Пушкин «находился во главе русской молодежи и возбуждал ее к революционному движению, которое ощущается повсюду, с одного конца земли до другого». Немецкий посол Либерман вынужден был констатировать, что Николаю придется сурово наказать Дантеса «хотя бы для того, чтобы успокоить раздражение и крики о возмездии», — чувство, которое «проявилось в низших слоях населения с гораздо большею силою, чем в рядах высшего общества», так как «Пушкин был более популярен и встречал большее поклонение у русских низших слоев».** 2 февраля 1837 г. граф А. Ф. Орлов — будущий шеф жандармов — получил анонимное письмо, в котором указывалось, что высылка Дан-

* Дантес-Геккерен родился во Франции, был подданным Голландии, а служил в России (см. Вересаев, «Пушкин в жизни», 1932, стр. 296).

** П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», II. 1917, стр. 384 и др.

теса «не может удовлетворить русских за умышленное, обдуманное убийство Пушкина».

Негодование и гнев народа, возмущение передового русского общества и ненависть к самодержавию наиболее полно выразил Лермонтов в своем стихотворении «Смерть поэта».

Вначале Лермонтов надеялся, что Николай I, разделяя негодование народа, казнит убийцу Пушкина; поэтому стихотворение открывалось эпиграфом из трагедии Жана Ротру «Венцеслав»:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Сам Лермонтов собирался вызвать на дуэль Дантеса, возмущенно спорил с офицерами, пытавшимися оправдать дуэль. Ответом им и было гениальное произведение, в котором молодой поэт навеки заклеил позором «клеветников безбожных», всех тех, кто «гнал» свободный дар Пушкина, кто жил «ложными ласками» аристократического света, всю эту банду «бесчувственных невежд», надевших на Пушкина терновый венец страдания.

Но шли дни... великосветские негодяи осуждали погибшего Пушкина, авантюрист и убийца Дантес был защищен царем от гнева народа и... выслан из России. Лермонтов приписал тогда к своему стихотворению 16 строк, в которых уже совершенно открыто бросил вызов палачам Пушкина:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игру счастья обиженных родов.
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Геня и Славы палачи,
Таитесь вы под сению закона:

Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихотворение Лермонтова стало расходиться по России в тысячах рукописных копий. Передовая молодежь переписывала эти стихи и разучивала их. «Мы читали, — говорит о стихотворении «Смерть поэта» В. В. Стасов, — и декламировали его с беспредельным жаром, в антрактах между классами... Мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовые, пожалуй, на что угодно, — так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах».* Друг поэта Святослав Раевский распространял стихотворение в десятках экземпляров. В течение нескольких дней имя Лермонтова стало известно всей столице, а потом и всей России.

Но если передовые русские люди видели в стихотворении Лермонтова прекрасное воплощение народного гнева, то убийцы Пушкина — царь и его приближенные — возненавидели молодого поэта. Так, например, известная в ту пору салонная сплетница А. М. Хитрова на одном из балов обратилась к шефу жандармов Бенкендорфу с вопросом: читали ли он «стихи на всех нас», в которых «сливки дворянства» «отделяются на чем свет стоит молодым гусаром Лермонтовым», и знает ли, что эти стихи «составляют оскорбление всей русской аристократии». Николай I получил по городской почте анонимное послание — экземпляр лермонтовского

* См. сб. «Венок М. Ю. Лермонтову», 1914, стр. 99.

стихотворения с надписью: «Воззвание к революции»*.

21 февраля был арестован С. А. Раевский, а вслед за ним Лермонтов. Арестованный Раевский послал своему другу записку, в которой предлагал избрать единый путь защиты. Эта записка попала в руки жандармов и усугубила вину Раевского. В квартире друзей сделали обыск.

Лермонтов сидел под арестом в Главном штабе. К нему пускали только его камердинера, приносившего обед. «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу, — вспоминает А. П. Шан-Гирей, — и на этих клочках, с помощью вина, печной сажи и спички, написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, мать божия, ныне с молитвою», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед» и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу», прибавив к ней последнюю строфу».**

В конце февраля состоялось решение по делу Лермонтова и Раевского, причем делом этим специально занимались Николай, военный министр граф Чернышев, шеф жандармов граф Бенкендорф, великий князь Михаил Павлович, генерал Клейнмихель и др., — видно было, что стихотворение Лермонтова очень встревожило двор.хлопоты Е. А. Арсеньевой и ее влиятельных друзей несколько смягчили участь поэта: Лермонтова сослали на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Раевского, выдержав месяц под арестом, выслали в Олонецкую губернию.

5

В марте 1837 г. Лермонтов выехал на Кавказ, где стоял его полк. Через воронежские степи и земли Войска Донского он пробирался к Ставрополю —

* Висковатов, стр. 246.

** «Русское обозрение», 1890, кн. VIII, стр. 740.

тогда главному городу Кавказской области. Нижегородский драгунский полк стоял в Кахетии, но Лермонтова послали сначала «с поручениями по казенной надобности» в Геленджик.

На Кавказе шло в то время «замирение горцев». Кавказская действующая армия активно выполняла указ царя — «Усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных». По пути в Геленджик Лермонтов задержался на несколько дней в Тамани, дожидаясь, очевидно, парохода. Тут у него произошло столкновение с казачкой Царицыхой, которая приняла молодого офицера за агента, прибывшего для поимки контрабандистов; эпизод этот был позже изображен Лермонтовым в повести «Тамань».

В мае Лермонтов простудился и заболел. Ему разрешено было отправиться из Геленджика в Пятигорск. «Простудившись дорогой, — вспоминает поэт, — я приехал на воды весь в ревматизмах, меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить».

Пребывание в Пятигорске, куда съезжались в ту пору со всех концов России, нашло отражение во многих произведениях Лермонтова, особенно в повести «Княжна Мери». На водах в это время были В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, поэтесса Растопчина, доктор Мейер; последний послужил Лермонтову прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». Белинский виделся с Лермонтовым в Пятигорске, но в это время еще не сблизился с ним.

Другу своему С. А. Раевскому Лермонтов писал: «Я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом: извездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за пле-

чами; ночевал в чистом поле, засыпал под крики шакалов, ел чурек, пил кахетинское». Даже в областях, «замиренных» русской армией, путников на каждом шагу подстерегали опасности; однажды Лермонтов чуть не попался в руки вооруженного отряда «немирных» лезгин; но опасность путешествий не останавливала пытливого поэта: с мольбертом в руках он бродил по горам, делал многочисленные зарисовки (он прекрасно рисовал), писал маслом горные пейзажи, искал интересных встреч; бросив тележку, он стал ездить верхом и, зарисовывая «виды всех примечательных мест», собрал «порядочную коллекцию».

Кавказская природа восхищала Лермонтова, о чем он радостно писал С. А. Раевскому: «Лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту, так сидел бы да смотрел целую жизнь».

В этом же письме 23-летний поэт сообщает другу, что он «начал учиться по-татарски» (этот язык «в Азии необходим, как французский в Европе»), что мечта о путешествии в Мекку, в Персию или в Хиву очень привлекает его, что он думает выйти в отставку и пр.

Не оставляет Лермонтов и литературных трудов: вскоре после отъезда поэта в ссылку, в журнале «Современник» появляется замечательное стихотворение «Бородину» — могучий гимн русскому народу; суровый и мужественный рассказ о бородинском сражении, вложенный в уста простого солдата, привлекал читателей безыскусственностью и силой. На Кавказе Лермонтов пишет одно из са-

мых гениальных своих произведений — «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Поэма эта возникла на почве обращения Лермонтова к народному творчеству и выражает наиболее замечательные черты народа: русский размах, бесстрашие, силу, безграничную удаль, глубину чувств и стремление к свободе. В 1838 г. «Песня» была напечатана и вскоре вызвала высокую оценку Белинского.

На Кавказе Лермонтов познакомился с политическим ссыльным, поэтом-декабристом Александром Одоевским, который незадолго перед этим вернулся из Сибири и служил в Нижегородском драгунском полку; несколько позже, в Ставрополе, поэт сблизился и с другими ссыльными декабристами: М. А. Назимовым, В. Н. Лихаревым, М. М. Нарышкиным, С. Н. Кривцовым, В. М. Голицыным, А. Е. Розеном, Н. И. Лорером. К этому времени многие декабристы, испытав страшную сибирскую каторгу, стали несколько охладевать к вопросам общественного движения. Юношеская пылкость, свойственная этим революционерам в 1825 г., через двенадцать лет уступила место сомнениям и тоскливому чувству вынужденного примирения с действительностью. Правда, отдельные декабристы еще свято хранили революционные традиции Пестеля и Рылеева, но были и такие, которые простились с прошлым и боялись даже говорить о революции. Поэтому Лермонтов в спорах с ними оказывался подчас гораздо более передовым и страшил их силой своего отрицания. Так, декабрист М. А. Назимов, вспоминая о ставропольских встречах с Лермонтовым, говорил биографу поэта:

«Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, кото-

рые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой вопрос, или отделялся шуткой и сарказмом».

Что касается поэта-декабриста Александра Одоевского, то он горячо полюбил Лермонтова; их сблизила любовь к поэзии, преклонение перед Пушкиным и воспоминания о казненных вождях декабризма. И когда через два года Лермонтов узнал о безвременной смерти своего друга (Одоевский умер в августе 1839 г. в Пезуапе, близ Сочи, в возрасте 37 лет, от жестокой тропической лихорадки), он посвятил ему нежное лирическое стихотворение, в котором писал:

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах Востока.. и тоску изгнанья
Делили дружно..

Между тем, пока Лермонтов странствовал, на Кавказ пришло известие, что туда выезжает Николай I со свитой, чтоб сделать смотр кавказской действующей армии. В параде должны были участвовать и два дивизиона Нижегородского драгунского полка, в котором служил Лермонтов. Поэт отправился из Пятигорска в Тифлис.

Е. А. Арсеньева, воспользовавшись тем, что царь ехал на Кавказ, просила Бенкендорфа замолвить слово за Лермонтова. Вероятно, в курсе этих хлопот Арсеньевой о внуке был и Жуковский, который сопровождал Николая в поездке на Кавказ.

Когда Николай со свитой прибыл в Новочеркасск и здесь донские старшины во главе с атаманом устроили в честь царя торжественный обед, Бенкендорф напомнил Николаю о просьбе старухи Арсеньевой и при этом сослался на то, что Жуковский знает Лермонтова и тоже ходатайствует за не-

го*. Однако, вероятно, это уже был разговор общего характера, так как еще ранее, удовлетворившись парадом, царь подписал приказ: «по кавалерии переводится... прапорщик Лермонтов лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом».

Ссылка Лермонтова окончилась. На этот раз он пробыл на Кавказе немногим более полугода и сейчас должен был ехать в Новгород, где среди араччеевских военных поселений стоял Гродненский гусарский полк. Конечно, Лермонтова не очень обрадовало такое «прощение», и поэтому он только в конце 1837 г. решил выехать в Петербург. Еще зимой Лермонтов ездил в Тифлис; во Владикавказе его видели с каким-то французом-путешественником: «Оба они сидели за столом и рисовали, во все горло распевая — **Моя жизнь, моя жизнь, моя свобода****». 14 декабря один из кавказских офицеров видел поэта в станице Прохладной.***

Уезжая с Кавказа, Лермонтов несколько не примирился с самодержавием; в стихотворении «Кинжал» он писал:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный..

6.

В Петербург Лермонтов прибыл в конце января 1838 г. Отдохнув в доме бабушки недели три, он отправился в Новгород. Уже 9 апреля, снисзойдя к постоянным просьбам Арсеньевой, царь приказал перевести Лермонтова в тот самый гусарский полк, в котором поэт служил после окончания школы.

Из ссылки Лермонтов вернулся уже известным поэтом: стихотворения на смерть Пушкина и «Бородино», поэма о купце Калашникове прославили

* См. «Дневники В. А. Жуковского», Спб., 1903, стр. 369.

** «Русский библиофил», 1915, апрель, стр. 76.

*** См. Лермонтов, Соч., т. V, стр. 602.

его имя. О нем заговорили, стали искать встреч с ним, приглашать в различные салоны. Он сближается с Жуковским, знакомится с Вяземским, посещает семью Карамзиных и салон А. О. Россет-Смирновой, начинает сотрудничать в журнале Краевского «Отечественные Записки».

Время с 1838 по 1840 г. было периодом расцвета творчества Лермонтова. Его произведения стали появляться в печати одно за другим. О 25-летнем поэте заговорили, как о великом наследнике Пушкина.

В эти годы Лермонтов работает над одним из величайших своих творений — над романом «Герой нашего времени», в котором гениально изображает тип человека эпохи безвременья, разочарованного скептика, страдающего эгоиста, ненавидящего аристократический «свет». Белинский в специальных статьях о «Герое нашего времени» (эти отзывы Белинского о лермонтовском романе до сих пор не утратили своего значения) высоко оценивал это произведение и справедливо указывал на огромную роль поэта в русской литературе*.

В эти же годы Лермонтов продолжает работу и над вторым своим величайшим произведением — поэмой «Демон», над которой он работал еще в пансионе и которую писал много лет. Мятежный образ Демона вставал перед читателями как символ величия человечества, как живое воплощение борьбы, как гениальное изображение вечного «духа познанья и свободы».

Лучшие люди тогдашнего общества, презирав и ненавидя рабскую крепостническую действительность, были охвачены чувством печального скепти-

* Совсем недавно вышла в свет большая работа С. Дурылина, в которой читатели найдут исчерпывающие материалы для изучения этого романа (С. Дурылин, «Герой нашего времени М. Ю. Лермонтова», Учпедгиз, М., 1940).

цизма и горько упрекали свое поколение в бездействии, в апатии, в равнодушии. Достаточно познакомиться с «Философическими письмами» Чаадаева, с дневниками и письмами Белинского, Герцена, Станкевича, Огарева и др., чтобы понять, насколько закономерным и естественным было появление таких лермонтовских стихотворений, как «Дума», звучавшая презрительно печальным укором:

Печально я гляжу на наше поколенье!
V Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно..
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы,
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы..
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Журнал «Отечественные Записки» печатал в эти годы десятки стихотворений Лермонтова: «Поэт», «Русалка», «Не верь себе», «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Еврейская мелодия», «1-е Января», «Воздушный корабль», «Узник», «Казачья колыбельная песня», «Последнее новоселье», «Благодарность», «Завещание», «Дары Терека» и много др.

Характерно, между прочим, то, что Лермонтов этих лет удивительно гармонично сочетает в своем творчестве романтизм и реализм. Почти одновременно он работает над несравненной по красоте романтической поэмой «Мцыри» — этим могучим гимном свободе — и реалистической поэмой «Тамбовская казначейша», в которой, развивая традиции реализма Пушкина и Гоголя, беспощадно высмеивает «уездную» николаевскую Россию, провинциальных поме-

щиков и чиновников-казнокрадов. Не оставляя работы над шедевром русского романтизма, поэмой «Демон», Лермонтов обращается к грандиозному замыслу создать сатирический роман в стихах («Сашка»).

Уже довольно давно критики Лермонтова подчеркивали его одиночество, его гордую замкнутость, его стремление к внутреннему созерцанию; это верно в основном, хотя следует подчеркнуть при этом, что Лермонтов ненавидел рабский строй России и людей, воплотивших в себе наиболее существенные черты этого строя, — деспотов и холопов. Однако, упоминая о том, что Лермонтов не принимал участия в бурных студенческих спорах 30-х годов и держал себя очень замкнуто, биографы забывают подчас о так называемом «Кружке шестнадцати».

«Кружок шестнадцати» (название — по количеству участников) образовался в 1838 г. в Петербурге, не имел никакой программы и не был связан уставом; это не было тайное революционное общество, ставящее перед собой определенные цели; «Кружок 16-ти» — вольное содружество молодых гвардейских офицеров, почти каждый из которых был оппозиционно настроен к николаевскому режиму*. В кружок этот входили, кроме Лермонтова: А. А. Столыпин (двоюродный брат Лермонтова, неоднократно изображаемый Лермонтовым в стихах под именем Монго), Ксаверий Браницкий, князь И. С. Гагарин, барон Д. П. Фредерикс, Жер-

* Тема о «Кружке 16-ти» еще не разработана в литературе о Лермонтове. По этому вопросу см. Н. Викторов (В. Бурцев), «Кружок 16-ти» («Историч. вестник», 1895, № 10); Б. М. Эйхенбаум, «Основные проблемы изучения Лермонтова» («Лит. учеба», 1935, № 6); Э. Герштейн, «Лермонтов и Кружок 16-ти» («Лит. критик», 1940, № 9 — 10).

ве, граф П. А. Валуев, князя Долгорукие, графы Шуваловы и др.

Уже спустя сорок лет Браницкий так характеризовал «Кружок 16-ти»: «Это общество составилось частью из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или с бала, они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии и не существовало»*.

Преувеличивать значение «Кружка 16-ти» в биографии Лермонтова не следует: это не была группа политических единомышленников, имеющая четкую программу борьбы; больше того: среди членов этого кружка были люди, которые не выходили за пределы дозволенного либерализма и не помышляли о борьбе. Однако, нельзя этот кружок и сбрасывать со счетов, так как самый факт его существования свидетельствовал о том, что в 30-е и 40-е годы протест против николаевского режима назревал не только в демократических кружках студенчества, но и среди лучших представителей гвардейской молодежи. Важно то, что Лермонтов общался с людьми, которые поддерживали его протестантские настроения и разделяли резко-отрицательное отношение к «бездействующему поколению», изображенному Лермонтовым в «Думе», «Герое нашего времени», «Маскараде» и других произведениях.

В высшем свете Лермонтова не любили. Писатель-аристократ, граф В. А. Соллогуб изобразил Лермонтова в повести «Большой свет» в образе

* Цит. по книге В. А. Мануйлова, «Лермонтов. Жизнь и творчество», 1939, стр. 93.

армейского офицера Мишеля Леонина, которому придал отвратительные черты. Дочь Николая I, великая княгиня Мария Николаевна, после неудачных попыток «приручить» Лермонтова возненавидела поэта. Он не оставался в долгу и однажды на костюмированном балу сказал какую-то дерзость великой княгине, пользуясь тем, что она была в маске и domino. Царский двор искал любого повода, чтобы удалить ненавистного поэта из столицы.

16 февраля 1840 г. на одном из балов произошло столкновение Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом; последний, недовольный тем, что известная красавица М. А. Щербатова, которой Лермонтов посвятил стихотворение «На светские цепи», отдавала предпочтение поэту, в резкой форме потребовал удовлетворения у Лермонтова и оскорбительно отозвался о нравах России. 18 февраля в окрестностях Петербурга, за Черной речкой, состоялась дуэль. Противники сначала дрались на шпагах. Шпага Лермонтова переломилась, и де Барант слегка ранил его; после этого перешли к пистолетам, но после обмена выстрелами (де Барант промахнулся, а Лермонтов выстрелил в сторону) закончили дуэль.

Воспользовавшись этой дуэлью, царь приказал арестовать Лермонтова и начать следствие. Лермонтова посадили в военную тюрьму—ордонанс-гауз. Там поэта посетил В. Г. Белинский, который позже с восхищением писал своему другу В. П. Боткину:

«Недавно был я у него (Лермонтова. — В. З.) в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух. Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного. О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура»*.

* А. Н. Пылин, «Белинский, его жизнь и переписка», Спб., 1908.

Сидя в ордонанс-гаузе, Лермонтов написал стихотворения: «Пленный рыцарь», «Соседка», «Журналист, читатель и писатель».

13 апреля 1840 г. Николай, утверждая следственное дело, наложил резолюцию: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк с тем же чином». Таким образом, поэта из гвардии переводили в армейский полк, который находился на театре военных действий против Шамиля. Это была жестокая форма политической ссылки — царское правительство посылало поэта под пули горцев.

Поэт вероятно понимал, что вторая ссылка на Кавказ — одно из звеньев цепи, которой опутывало его самодержавие. Перед отъездом из Петербурга он посетил семью Карамзиных. Стоя у окна и наблюдая за тем, как легкие весенние облака плыли над Невой, он склонился на подоконник и написал полное грусти стихотворение:

Тучки небесные, вечные странники,
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?..

Жестокое «решение судьбы» гнало мятежного поэта-изгнанника с «милого севера в сторону южную». Добравшись до Москвы, Лермонтов попал на именинный обед к Гоголю, где собрались московские писатели. Лермонтов прочитал здесь Гоголю поэму «Мцыри».

В половине мая Лермонтов выехал на Кавказ. Через южнорусские степи и Новороссию тройка уносила опального поэта к Дону, а оттуда — в горы.

Бывший командир лейб-гвардии гусарского полка М. Г. Хомутов, под начальством которого Лермонтов начинал служить, находился в Новочеркасске, — он был начальником штаба Войска Донского. Здесь, в Новочеркасске, у Хомутова, Лермонтов прожил три дня. Между прочим, он каждый день посещал новочеркасский театр, о котором писал А. А. Лопухину:

«Дорогой я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня, и каждый день был в театре. Что за театр! Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену — и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо — ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь налево — и видишь в ложе полицмейстера; оркестр составлен из четырех кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьет такт смычком по его плечу. Раз по личной ненависти он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дернул его за фалды, и капельмейстер упал навзничь головой прямо в барабан и проломил кожу; но в азарте вскочил и хотел продолжать бой и что же? о ужас! На голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опустили, а оркестр отправили на съезжую. В продолжении этой потехи я все ждал, что будет?»*

Из Новочеркаска Лермонтов отправился в

* Лермонтов, Соч., т. V, стр. 404 — 405.

Ставрополь, где в то время находился штаб командующего кавказской армией. Поэт прибыл в армию в тревожное время. Незадолго перед его приездом горцы разгромили черноморскую береговую линию. Возмущенные действиями царских карательных отрядов, восстали народы Чечни, Аварии и Дагестана. Во главе восставших встал Шамиль, к которому присоединился знаменитый джигит Хаджи-Мурат (позже воспетый Л. Н. Толстым). Для борьбы с Шамилем командование армией сформировало специальный отряд генерала Галафеева, к которому прикомандировали и Лермонтова*. Если в пору своей первой ссылки поэт не принимал участия в военных экспедициях, то теперь ему пришлось участвовать в важных боевых операциях галафеевского отряда в Гойтинском лесу (Чечня), в Техтинском лесу, в сражении при реке Валерик и в других боях.

«У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часов сряду. Нас было всего 2 000 пехоты, а их до 6 000; и все время дрались штыками... Вообрази себе, что в овраге, где была пехота, час после дела еще пахло кровью»**. Так писал Лермонтов своему другу А. А. Лопухину.

Наконец, Лермонтов был назначен командиром отдельного кавалерийского отряда разведчиков, удалых сорви-голов, которыми раньше командовал «буйный» Дорохов, многократно разжалованный в солдаты (этого Дорохова Л. Н. Толстой изобразил в романе «Война и мир» под именем Долохова). По поводу своего нового назначения Лермонтов сообщал Лопухину: «Я получил в наследство от

* См. И. К. Ениколопов, «Лермонтов на Кавказе», Тбилиси, 1940, стр. 63—75 и др.

** Лермонтов, Соч., т. V, стр. 406.

Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разный сброд, волонтеры, татары и пр., это нечто вроде партизанского отряда...»*

Несмотря на то, что все участники чеченской экспедиции единодушно отмечали исключительную храбрость Лермонтова, храбрость, которая вызывала изумление у самых старых кавказских служаек; несмотря на то, что командование армией много раз посылало в Петербург ходатайство о награждении Лермонтова — царь постоянно отказывал в награждении опального офицера.

В эту пору Лермонтов пишет замечательное стихотворение «Валерик» («Я к вам пишу»).

«Валерик» — это одно из первых произведений русской литературы, в котором решительно отброшен романтический покров «бравных подвигов» и реалистически показана жестокая сущность несправедливой войны. Изображая здесь природу и людей, поэт писал:

Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет? — Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Загорелый, худой, угрюмый, Лермонтов молчаливо переживает «дикие тревоги» войны, голодает, спит на земле, ест из одного котла с солдатами скудную пищу и «с грустью тайной и сердечной» думает о жестокости людей, задает себе безответный вопрос: зачем враждует человек? Мечтая о любимой литературе, об отставке, он с печальной

* Лермонтов, Соч., т. V, стр. 407.

иронией пишет Лопухину: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пальцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну»*.

В феврале 1841 г. Лермонтову удалось побывать в Петербурге — ему разрешили кратковременный отпуск для свидания с бабушкой. Он приехал в столицу, где имя его не сходило с уст; теперь 27-летний поэт был в зените своей славы. Белинский называл произведения Лермонтова «одинокими пирамидами», которые «высятся в песчаной пустыне» литературы; журналы сравнивали молодого поэта с Пушкиным, отдавая должное гению Лермонтова.

Еще более одолеваемый мечтой об отставке, уставший от скитальческой жизни и трудных боевых походов, Лермонтов лелеет мысль об издании журнала, о творчестве, о больших произведениях. Однако, этим мечтам не суждено было сбыться. Николай I и его приспешники — Бенкендорф, Чернышев, Клейнмихель — зорко следили за Лермонтовым и не оставляли мысли о том, чтобы погубить ненавистного им поэта. Придравшись к мелочному случаю — к тому, что Лермонтов «посмел явиться» на бал, где присутствовал великий князь Михаил Павлович, — Лермонтову приказали отправиться в полк. Перед отъездом на Кавказ поэт написал полное гнева стихотворение:

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

* Лермонтов, Соч., т. V, стр. 407.

Выйти может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Обличая рабский строй России, той страны, где господствовали голубые жандармские мундиры, Лермонтов в то же время с чувством глубокой любви писал о своей родине — о простом русском народе, о родных картинах полей и деревень России. На эту тему им было написано замечательное стихотворение «Родина»:

Люблю отчизну я, но странною любовью! ✓
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отградного мечтанья.
Но я люблю — за что не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям... | | |
Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

В мае 1841 г., вместе со своим родственником А. А. Столыпным (Монго), Лермонтов приехал в Ставрополь, но к месту стоянки Тенгинского полка (Темир-хан-Шура) не поехал, а, получив свидетель-

ство о болезни, отправился в Пятигорск. Здесь, в Пятигорске, отдыхала «на водах» группа аристократов; среди них оказался и майор Н. С. Мартынов, который когда-то учился с Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков. Мартынов был довольно ограниченный, но очень самодовольный и хвастливый человек. Лермонтова он не любил, хотя и старался подчеркнуть свои приятельские отношения к поэту. Мартынов стал, повидимому, орудием в руках таких лиц, как князь В. С. Голицын, князь А. И. Васильчиков, граф А. А. Бенкендорф, генеральша Мерлини и др. Все эти сиятельные «больные» плели вокруг Лермонтова паутину интриг, стремясь погубить поэта.

Лермонтов решил хорошо отдохнуть в Пятигорске: он гулял в горах, пил воду целебных источников, веселился, а также много писал. Здесь, в последние дни жизни, им написаны такие превосходные стихотворения, как «Дубовый листок», «Русалка», «Сон», «Тамара», «Морская царевна», «Утес», «Выхожу один я на дорогу», «Пророк». Но дни поэта были уже сочтены.

13 июля (по ст. стилю), в доме Верзилиных, произошло столкновение между Лермонтовым и Мартыновым. Мартынов вызвал его на дуэль.

Все факты, а также военно-судное дело над убийцей Лермонтова и секундантами, свидетельствуют о том, что дуэль была заранее обдуманной, преднамеренным убийством поэта.

Дуэль эта состоялась 15/27 июля 1841 г., перед сумерками (между пятью и шестью часами вечера), у подножья Машука, близ Пятигорска. Врача не было (вопреки дуэльному кодексу); площадка была выбрана неровная — Мартынов стоял внизу, Лермонтов наверху (это также запрещалось кодексом). Лермонтов не собирался стрелять в Мартынова и говорил об этом секундантам (секундантами были:

А. И. Васильчиков, А. А. Столыпин, М. П. Глебов и С. В. Трубецкой), а когда был подан сигнал, поэт не стал целиться в противника. Один из секундантов — А. И. Васильчиков — так описал эту сцену:

«Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали: — сходишь! Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперед, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди, раненые или ушибленные. Мы подбежали. В правом боку дымилась рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие»*.

Над горами разразилась гроза. Черные тучи низко нависли над землей. Вспыхивали молнии и гремели раскаты грома. Лермонтов умер, не приходя в сознание. Похоронили его в Пятигорске, но через год, по ходатайству Е. А. Арсеньевой, прах поэта в свинцовом гробу перевезли в село Тарханы, Пензенской губернии, и погребли в фамильном склепе.

Мартынова судили военным судом и приговорили... к церковному покаянию.

8.

Творчество Лермонтова не было в царской России достоянием широких народных масс. Только после Великой Октябрьской социалистической ре-

* «Русский архив», 1872, кн. I, стр. 211 — 212.

волюции Лермонтов стал доступен и близок широчайшим массам читателей. Миллионные тиражи его сочинений, переведенных на языки братских народов, музеев, библиотеки и школы его имени, тысячи критических статей о нем являются свидетельством любви народа к великому поэту.

* * *

В Пятигорске стоит памятник Лермонтову. Вокруг каменной колонны, на врытых в землю столбах, соединенных толстыми цепями, сидят кондоры — вольные птицы гор. Головы кондоров повернуты набок, словно цепи мешают им взмыть *к солнцу...

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ О ЛЕРМОНТОВЕ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЛЕРМОНТОВА *

Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связаны развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества. Пушкин начал свое поэтическое поприще «Русланом и Людмилою» — сочинением, которого идея отзывается слишком ранней молодостью, но которое кипит чувством, блещет всеми красками, благоухает всеми цветами природы, сознанием неистоимо веселым, игривым... Это была шалость гения после первой опорожненной им чаши на светлом пиру жизни... Лермонтов начал исторической поэмой, мрачной по содержанию, суровой и важной по форме... В первых своих лирических произведениях Пушкин явился провозвестником человечности, пророком высоких идей общественных; но эти лирические стихотворения были столько же полны светлых надежд, предчувствия торжества, сколько силы и энергии. В первых лирических произведениях

* Статью «Стихотворения М. Лермонтова» Белинский начинает пространном вступлением о сущности поэзии, которое мы опускаем. В дальнейшем приводим лишь те отрывки из статьи, которые относятся непосредственно к творчеству Лермонтова.

Лермонтова, разумеется, тех, в которых он особенно является русским и современным поэтом, также виден избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет Пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи, и что его поэзия — совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества... В 1838 г. в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» была напечатана его поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; это произведение сделало известным имя автора, хотя оно явилось и без подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безымянный поэт? кто такой Лермонтов? писал ли он что-нибудь, кроме этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оценена, толпа и не подозревает ее высокого достоинства. Здесь поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошлое, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размах его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знал о других, — и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненное всякой истории. И подлинно, этой песни можно заслушаться, и все нельзя ее дозвольно наслушаться: как манием

волшебного скипетра воскрешает она прошедшее — и мы не можем насмотреться на него, забываем для него свое настоящее, ни на минуту не сводим с него взоров, боясь, чтоб оно не исчезло от нас...

Через год после напечатания «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтов снова вышел на арену литературы с стихотворением «Дума», изумившим всех алмазной крепостью стиха, громовой силой бурного одушевления, исполинскою энергией благородного негодования и глубокой грусти.

... Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти... И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней, и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?.. Если под «сатирою» должно разуметь не невинное зубокальство веселеньких остроумцев, а промы негодования, прозу духа, оскорбленного позором общества, — то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный род поэзии. Если сатиры Ювенала дышат такой же бурей чувства, таким же могуществом огненного слова, то Ювенал действительно великий поэт...

Другая сторона того же вопроса выражена в стихотворении «Поэт». Обделанный в золото галантерейной игрушкой кинжал наводит поэта на мысль о роли, которую это орудие смерти и мщения играло прежде... А теперь?.. Увы!

... Вот оно, то бурное одушевление, та трепещущая, изнемогающая от полноты своей страсть, которую Гегель называет в Шиллере пафосом... Нет, хвалить такие стихи можно только стихами, и притом такими же... А мысль? Мы не должны здесь

искать статистической точности фактов; но должны видеть выражение поэта, — и кто не признает, что то, чего он требует от поэта, составляет одну из обязанностей его служения и призвания? Не есть ли эта характеристика поэта — характеристика благородного Шиллера?

«Не верь себе» есть стихотворение, составляющее триумвират с двумя предшествовавшими. В нем поэт решает тайну истинного вдохновения, открывая источник ложного. Есть поэты, пишущие в стихах и прозе, и, кажется, удивительно как сильно и громко, но чтение которых действует на душу как угар или тяжелый хмель, и их произведения, особенно увлекающие молодость, как-то скоро испаряются из головы. У этих людей нельзя отнять дарования и даже вдохновения, но

В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток..

Со времени появления Пушкина, в нашей литературе показались какие-то неслыханные прежде жалобы на жизнь, пошло в оборот новое слово «разочарование», которое теперь уже успело сделаться и старым и приторным. Элегия сменила оду и стала господствующим родом поэзии. За поэтами даже и плохие стихотворцы начали воспевать

Погибший жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.

Ясно, что это была эпоха пробуждения нашего общества к жизни: литература в первый раз еще начала быть выражением общества. Это новое направление литературы вполне выразилось в дивном создании Пушкина — «Демон». Это демон сомнения, это дух размышления, рефлексии, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дело: пробудилась жизнь, и с нею об руку пошло сомнение — враг жизни. «Де-

мон» Пушкина с тех пор остался у нас вечным гостем и с злой, насмешливой улыбкой показывает то тут, то там... Маю этого: он привел другого демона, еще более страшного, более неразгаданного, высказавшегося в стихотворении Лермонтова:

И скучно, и грустно и некому руку подать

В минуту душевной невзгоды.

Желанья.. Что пользы напрасно и вечно желать?..

А годы проходят — все лучшие годы:

Любить... но кого же?. На время — не стоит труда,

А вечно любить невозможно.

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:

И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти?—ведь, рано иль поздно их сладкий недуг

Исчезнет при слове рассудка,

И жизнь—как посмотришь с холодным вниманьем вокруг—

Такая пустая и глупая шутка..

Страшен этот глухой могильный голос подземного страдания, нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни. От него содрогается человеческая природа, стынет кровь в жилах, и прежний светлый образ жизни представляется отвратительным скелетом, который душит нас в своих костяных объятиях, улыбается своими костяными челюстями и прижимается к устам нашим. Это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это — похоронная песня всей жизни. Кому не знакомо по опыту состояние духа, выраженное в ней, в чьей натуре не скрывается возможность ее страшных диссонансов, — те, конечно, увидят в ней не больше, как маленькую пьеску грустного содержания, и будут правы; но тот, кто не раз слышал внутри себя ее могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену; даст ей почетное место между величайшими созда-

ниями поэзии, которые когда-либо, подобно светочам Эвменид, освещали бездонные пропасти человеческого духа... И какая простота в выражении, какая естественность, свобода в стихе! так и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, как поток слез, давно уже накупивших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...

Вспомните «Героя нашего времени», вспомните Печорина — этого странного человека, который; с одной стороны, томится жизнью, презирает и ее и самого себя, не верит ни в нее ни в самого себя, носит в себе какую-то бездонную пропасть желаний и страстей, ничем ненасытимых, а с другой — гонится за жизнью, жадно ловит ее впечатления, безумно упивается ее обаяниями; вспомните его любовь к Бэле, к Вере, к княжне Мери, и потом пойте эти стихи:

Любить.. но кого же?.. На время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

... Не выпишем чудной «Молитвы», в которой поэт поручает матери божией, «теплой заступнице мира холодного», — невинную деву. Кто бы ни была эта дева — возлюбленная ли сердца или милая сестра — не в том дело; но сколько кроткой задушевности в тоне этого стихотворения, сколько нежности без всякой приторности; какое благоуханное, теплое женственное чувство! Все это прогает в голубиной натуре человека; но в духе мощном и гордом, в натуре львиной — все это больше, чем умирительно... Из каких богатых элементов составлена поэзия этого человека, какими разнообразными мотивами и звуками премят и льются ее гармонии и мелодии. Вот пьеса, означенная рубрикою «1-е Января»; читая ее, мы опять входим в совершенно новый мир, хотя и застаем в ней все ту же

думу, то же сердце, словом — ту же личность, как и в прежних. Поэт говорит, как часто при шуме пестрой толпы, среди мелькающих вокруг него бездушных лиц — «стянутых приличьем масок», когда холодных рук его с небрежной смелостью касаются «давно бестрепетные» руки молодых красавиц, как часто воскресают в нем старинные мечты, святыи звуки погибших лет...

... Только у Пушкина можно найти такие картины в этом роде. Когда же, — говорит он, — шум людской толпы «спугнет мою мечту» —

О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью...

Если бы не все стихотворения Лермонтова были одинаково лучшие, то это мы назвали бы одним из лучших.

«Журналист, Читатель и Писатель» напоминает и идеей, и формой, и художественным достоинством «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина. Разговорный язык этой пьесы — верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний — изумительны. Исповедь поэта, которой оканчивается пьеса, блестит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородной.

«Ребенку» — это маленькое лирическое стихотворение заключает в себе целую повесть, высказанную намеками, но тем не менее понятную. О, как глубоко поучительна эта повесть, как сильно потрясает она душу... В ней глухие рыдания обманутой любви, стоны исходящего кровью сердца, жестокие проклятия, а потом, может быть, и благословение смиренного испытанием сердца женщины... Как я люблю тебя, прекрасное дитя. Говорят, ты похож

на нее, и хоть страдания изменили ее прежде времени, но ее образ в моем сердце...

... Прочтете «Соседа» Лермонтова — и хотя бы вы никогда не были в подобном обстоятельстве, но вам покажется, что вы когда-то были в заключении, любили незримого соседа, отделенного от вас стеной, прислушивались и к мерному звуку шагов и к унылой песне его, и говорили к нему про себя:

Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются...
О чем они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...
И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит, и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются..

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крепкой; эти унылые, мелодические звуки, льющиеся друг за другом, как слеза за слезой; эти слезы, льющиеся одна за другой, как звук за звуком, — сколько в них таинственного, невыговариваемого, но так ясно понятного сердцу. Здесь поэзия становится музыкой: здесь обстоятельство является, как в опере, только поводом к звукам, намеком на их таинственное значение; здесь от случая жизни отнята вся его материальная, внешняя сторона, и извлечен из него один чистый эфир, солнечный луч света, в возможности скрывавшиеся в нем... Выраженное в этой пьесе обстоятельство может быть фактом, но сама пьеса относится к этому факту, как относится к натуральной розе поэтическая роза, в которой нет грубого вещества, составляющего натуральную розу, но в которой только нежный румянец и кроткое ароматическое дыхание натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта в пьесах: «Когда волнуется желтеющая нива», «Расстались мы, но твой портрет», и «Отчего», — и грустно, болезненно в пьесе «Благодарность». Не можем не остановиться на двух последних. Они коротки, повидимому, лишены общего значения и не заключают в себе никакой идеи; но, боже мой, какую длинную и прустную повесть содержит в себе каждое из них! Как они глубоко знаменательны, как полны мыслью!

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому, что весело тебе.

Это вздох музыки, это мелодия грусти, это кроткое страдание любви, последняя дань нежню и глубоко любимому предмету от растерзанного и смиренного бурей судьбы сердца... И какая удивительная простота в стихе. Здесь говорит одно чувство, которое так полно, что не требует поэтических образов для своего выражения; ему не нужно убранства, не нужно украшений, оно говорит само за себя, оно вполне высказалось бы и прозой...

За все, за все тебя благодарю я;
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя;
За мечь врагов и клевету друзей;
За жар души растроченный в пустыне, —
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил...

Какая мысль скрывается в этой прустной «благодарности», в этом сарказме обманутого чувством и жизнью сердца? Все хорошо: тайные мучения страстей, и горечь слез, и все обманы жизни: но еще лучше, когда их нет, хотя без них и нет ниче-

го, что просит душа, чем живет она, что нужно ей, как масло для лампы... Это утомление чувством; сердце просит покоя и отдыха, хотя и не может жить без волнения и движения... В pendant к этой пьесе может идти новое стихотворение Лермонтова «Завещание»: это похоронная песня жизни и всем ее оболещением, тем более ужасная, что ее голос не глухой и не промкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее — все равно; сделать лучше не в нашей воле, и потому пусть идет себе, как оно хочет... Это уж даже и не сарказм, не ирония и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться, — все равно. Отца и мать жаль огорчить... Возле них есть соседка — она не спросит о нем, но нечего жалеть пустого сердца — пусть поплачет: ведь, это ей нипочем. Страшно... Но поэзия есть сама действительность, и потому она должна быть неумолима и беспощадна, где дело идет о том, что есть или что бывает... А человеку необходимо должно перейти и через это состояние духа. В музыке гармония условливается диссонансом, в духе — блаженство условливается страданием, избыток чувства — сухостью чувства, любовь — ненавистью, сильная жизненность — отсутствием жизни: это такие крайности, которые всегда живут вместе, в одном сердце. Кто не печалился и не плакал, тот и не возрадуется, кто не болел, тот и не выздоровеет, кто не умирал заживо, тот и не воскреснет... Жалейте поэта или, лучше, самих себя: ибо, показав вам раны своей души, он показал вам ваши собственные раны: но не отчаивайтесь ни за поэта, ни за человека: в том и другом бурю сменяет ведро, безотрадность — надежда...

Два перевода из Байрона, — «Еврейская мелодия» и «В альбом», тоже выражают внутренний

мир души поэта. Это боль сердца, тяжкие вздохи груди; это надгробные надписи на памятниках погибших радостей...

«Ветка Палестины» и «Тучи» составляют переход от субъективных стихотворений нашего поэта к чисто-художественным. В обеих пьесах видна еще личность поэта, но в то же время виден уже и выход его из внутреннего мира своей души в созерцание «полюго славы творенья». Первая из них дышит благодатным спокойствием сердца, теплотой молитвы, кротким веянием святости. О самой этой пьесе можно сказать то же, что говорится в ней о ветке Палестины.

«Русалкой» начнем мы ряд чисто-художественных стихотворений Лермонтова, в которых личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни. Эта пьеса покрыта фантастическим колоритом, и по роскоши картин, богатству поэтических образов, художественности отделки составляет собою один из драгоценнейших перлов русской поэзии. «Три пальмы» дышат знойной природой Востока, переносят нас на песчаные пустыни Аравии, на ее цветущие оазисы. Мысль поэта ярко выдается, — и он поступил с нею как истинный поэт, не заключив своей пьесы нравственной сентенцией. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своим восточным колоритом и оправдана названием «Восточное сказание»; иначе она была бы детской мыслью. Пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок сливаются в этой пьесе поэзию с живописью: это картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее.

«Дары Терека» есть поэтическая апофеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазия греков умела так олицетворять природу, давать образ и личность ее немим и разбросанным явлениям. Нет

возможности выписывать стихов из этой дивно-художественной пьесы, этого роскошного видения богатой, радужной, исполинской фантазии; иначе пришлось бы переписать все стихотворение.

Мы не назовем Лермонтова ни Байроном, ни Гете, ни Пушкиным; но не думаем сделать ему гиперболической похвалы, сказав, что такие стихотворения, как «Русалка», «Три пальмы» и «Дары Терека» можно находить только у таких поэтов, как Байрон, Гете и Пушкин...

Не менее презосходна «Казачья колыбельная песня». Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее; его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какой дышит любовь матери, — все это воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умилительную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения? Он видел Кавказ, — и нам понятна верность его картин Кавказа; он не видел Аравии, и ничего, что могло бы дать ему понятие об этой стране палящего солнца, песчаных степей, зеленых пальм и прохладных источников, но он читал их описания: как же он так глубоко мог проникнуть в тайны женского и материнского чувства.

«Воздушный корабль» не есть собственно перевод из Зейдлица: Лермонтов взял у немецкого поэта только идею, но обработал ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тени, которой колоссальный облик так гранди-

озно представлен в ней. — Какое тихое успокоительное чувство ночи после знойного дня веет в стихотворении «Горные вершины», в этой маленькой пьесе Гете, так грациозно переданной нашим поэтом.

Теперь нам остается разобрать поэму Лермонтова «Мцыри»...

Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого мцыри. Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью. Это произведение субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношеской незрелостью, и если она дала возможность поэту рассыпать перед вашими глазами такое богатство самоцветных камней поэзии, — то не сама собою, а точно как странное содержание иного посредственного либретто дает гениальному композитору возможность создать превосходную сцену. Недавно кто-то, резонерствуя в газетной статье о стихотворениях Лермонтова, назвал его «Песню про царя Ивана Васильевича, удалого опричника и молодого купца Калашникова» произведением детским, а «Мцыри» — произведением зрелым; глубокомысленный критикан, рассчитывая по пальцам время появления той и другой поэмы, очень остроумно сообразил, что автор был тремя годами старше, когда написал «Мцыри», и из этого казуса весьма основательно вывел заключение: «Мцыри» зрелее. Это очень понятно; у кого нет эстетического чувства, кому не говорит само за себя поэтическое произведение, тому остается гадать о нем по пальцам или соображаться с метрическими книгами...

Но, несмотря на незрелость идеи и некоторую натянутость в содержании «Мцыри», — подробности и изложение этой поэмы изумляют своим ис-

полнением. Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цветы у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, прохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Кажется, будто поэт до того был отягощен обременительной полнотой внутреннего чувства, жизни и поэтических образов, что готов был воспользоваться первой мелькнувшей мыслью, чтобы только освободиться от них, — и они хлынули из души его, как горящая лава из огнедышущей горы, как море дождя из тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонт, как внезапно прорвавшийся яростный поток, поглощающий окрестность на далекое расстояние своими сокрушительными волнами... Этот четырехстопный ямб с одними мужескими окончаниями, как в «Шильонском узнике», звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонирует с сосредоточенным чувством, несокрушимой силой могучей природы и трагическим положением героя поэмы. А между тем какое разнообразие картин, образов и чувств! Тут и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткая грусть, и мрак ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние вечера... Многие положения изумляют своею верностью; таково место, где мцыри описывает свое замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнем, когда над усталой головой уже веяли успокоительные сны смерти и носились ее фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностью и роскошным блеском фантастического Кавказа. Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено

быть колыбелью наших поэтических галантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной. Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм — «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм — «Галуб» тоже посвящена Кавказу; несколько превосходных лирических стихотворений его также относятся к Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновила его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Хлестовых, Тугоуховских, Репетиловых, Молчалиных — этих карикатур на природу человеческую...

И вот является новый великий талант — и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно-любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчаных вечным снегом, находит он свой Парнасс; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену... Как жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, действие которой совершается также на Кавказе, и которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило «Горе от ума», мы говорим о «Демоне». Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрелее, чем мысль «Мцыри», и хотя исполнение ее отзывается некоторой незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образов ставит ее несравненно выше «Мцыри», и превосходит все, что можно сказать в ее похвалу. Это не художественное создание, в строгом смысле искусства; но оно обнаруживает всю мощь таланта поэта и обещает в будущем великие художественные создания.

... Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагаются жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет; им все доступно, все понятно; они на все откликаются. Он властный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе — в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елейное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, краткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния жизни, укору совести, умилительное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком, льющиеся в полноте умиреного бурей жизни сердца, упоение любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающегося самого себя чувства замершей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающей силой рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невнятный младенец, бурная вакханка и чистая дева — все, все в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов. Его попроще еще только начато, и уже как много им сделано, какое неисто-

шимое богатство элементов обнаружено им: чего же должно ожидать от него в будущем?.. Пока еще не назовем мы его ни Байроном, ни Гете, ни Пушкиным, и не скажем, чтоб из него современем вышел Байрон, Гете или Пушкин; ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов...

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

...Примечательнее всего тут мне показался разбор Лермонтова романа «Герой нашего времени». Разбор сам по себе хорош, хотя и не без ложных взглядов на вещи, а роман, вариация на пушкинскую сцену из «Фауста», обличает огромное дарование, хотя и односторонность автора. Несмотря на эту односторонность, я, судя уже и по рецензии, принужден поставить Лермонтова выше Марлинского и Сенковского, а это люди, право — недюжинные. Итак, матушка Россия, — поздравляю тебя с человеком. — Рад, ей богу, рад, — хотя... Но пусть дополняют это хотя другие*.

...«Воздушный корабль», прелестная пьеса Зейдлица, перевод Лермонтова**.

...В последние дни прочел я много для меня совершенно нового: «Марию Тюдор», «Героя нашего времени» и «Маскарад» Лермонтова. «Мария» ужаснейшая чепуха, написанная талантливым человеком. Характер героя-простолодыня — один только истинно хорош: все прочее вздор такой, что мочи нет, а читать все-таки читаешь и не можешь оторваться. Лермонтова роман — создание мощной души: эпизод «Мэри» особенно хорош в художественном отношении; Грушницкому цены нет, — такая

* «Дневник», 1841 г., Изд-во «Прибой», 1929, стр. 271.

** Там же.

истина в этом лице; хорош в своем роде и доктор; и против женщин нечего говорить... а все-таки. Все-таки жаль, что Лермонтов истратил свой талант на изображение такого существа, каков его гадкий Печорин. «Маскарад», не в художественном, а в нравственном отношении, выше, потому что тут есть, по крайней мере, страсти*.

... Вопрос: может ли возвыситься до самобытности талант электрически-подражательный, каков в большей части своих пьес Лермонтов? Простой и даже самый лучший подражатель великого или хоть даровитого одного поэта, разумеется, лучше бы сделал, если бы никогда не брал в руки пера. Но Лермонтов не таков, он подражает или, лучше сказать, в нем найдутся отголоски и Шекспиру, и Шиллеру, и Байрону, и Пушкину, и Кюхельбекеру, и даже Пфирелли, Глейму и Илличевскому. Но и в самых подражаниях у него есть что-то свое, хотя бы только то, что он самые разнородные стихи умеет спаять в стройное целое, а это не бездельца**.

А. В. КОЛЬЦОВ

... Мне весьма нравится повесть «Бела» Лермонтова***.

... «Тамань» Лермонтова чертовски поразила меня. «Казачья колыбельная песня» необычайно хороша****.

... В «Записках» отделение о России идет как должно. Повести, проза прекрасны. «Недоумение» лучше всех. Стихи, исключая моих, очень хороши,

* «Дневник», 1843 г., Изд-во «Прибой», 1929, стр. 290.

** Там же, 1844 г., стр. 292.

*** Письма 1839 г. В. Г. Белинскому. Полное собр. соч., СПб, 1911, стр. 197.

**** 1840 г. В. Г. Белинскому, стр. 215.

многие чудо хороши. Особенно остаются в памяти Лермонтова все*.

... Лермонтова убили до смерти, это старая новость; но она меня так сильно поразила, что до сей поры не выходит из думы. И жаль, и досадно: только что покажется, хорошо не успеешь полюбить, — как его и нет. Много мы в нем потеряли, незаменимая потеря. Наш один купец в одно время с ним жил на Кавказе, и он мне, приехавши оттуда, говорил, что у Лермонтова много в портфеле найдено после смерти стихов; одно из них он читал под названием «Чинар». Скажите-ка Андрею Александровичу, не отыщет ли он этого портфеля**.

... Лермонтова «На украинские степи» чудо как хорошо, из рук вон хорошо***.

Н. В. ГОГОЛЬ

... Со смертью Пушкина остановилось движение поэзии нашей вперед. Это, однакоже, не значит, чтобы дух ее угаснул; напротив, он, как гроза, невидимо накапливается вдали: самая сухость и духота в воздухе возвещают его приближение. Уже явились и теперь люди не без талантов. Но еще все находится под сильным влиянием гармонических звуков Пушкина; еще никто не может вырваться из этого заколдованного, им начертанного круга и показать собственные силы. Еще даже не слышит никто, что вокруг него настало другое время, образовались стихии новой жизни и раздаются вопросы, которые дотоле не разлавались, а потому ни в ком из них еще нет самоответности. Их даже не следует называть по именам, кроме одного Лермонтова, который себя выставил вперед больше других и ко-

* 1840 г. В. Г. Белинскому, стр. 222.

** 1841 г. В. Г. Белинскому, стр. 262.

*** 1842 г. В. Г. Белинскому, стр. 273.

того уже нет на свете. В нем слышатся признаки таланта первостепенного; поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звезда, которой управление захотелось ему над собою признать. Попавши с самого начала в круг того общества, которое справедливо можно было назвать временным и переходным, которое, как бедное растение, сорвавшееся с родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степям, слыша само, что не прирасти ему ни к какой другой почве и его жребий — завянуть и пропасть, — он уже с ранних пор стал выражать то раздирающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтов. Безрадостные встречи, беспечальные расставания, странные, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые, стали предметом стихов его и подали случай Жуковскому весьма верно определить существо этой поэзии словом безочарование. С помощью таланта Лермонтова, оно сделалось было на время модным. Как некогда с легкой руки Шиллера пронеслось было по всему свету очарование и стало модным, как потом с тяжелой руки Байрона пошло в ход разочарование, порожденное, может быть, излишним очарованием, и стало также на время модным, так наконец пришла очередь и безочарованию, родному детищу Байроновского разочарования. Существование его, разумеется, было кратковременнее всех прочих, потому что в безочаровании ровно нет никакой приманки ни для кого. Признавши над собою власть какого-то обольстительного демона, поэт покушался не раз изобразить его образ, как бы желая стихами от него отделаться. Образ этот не вызначен определительно, даже не получил того обольстительного могущества над человеком, которое он хотел ему придать. Видно, что вырос он не от соб-

ственной силы, но от усталости и лени человека сражаться с ним. В неоконченном его стихотворении, названном: «Сказка для детей», образ этот получает больше определенности и больше смысла. Может быть, с окончанием этой повести, которая есть его лучшее стихотворение, отделался бы он от самого духа и вместе с ним и от безотрадного своего состояния (приметы тому уже сияют в стихотворении «Ангел», «Молитва» и некоторых других), если бы только сохранилось в нем самом побольше уважения и любви к своему таланту. Но никто еще не играл так легкомысленно с своим талантом и так не старался показать к нему какое-то даже хвастливое презрение, как Лермонтов. Незаметно в нем никакой любви к детям своего же воображения. Ни одно стихотворение не выносилось в нем, не возлеялось чадолубно и заботливо, не устоялось, не сосредоточилось в себе самом; самый стих не получил еще своей собственной твердой личности и бледно напоминает то стих Жуковского, то Пушкина; повсюду — излишество и многоречие. В его сочинениях прозаических гораздо больше достоинства. Никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозу. Тут видно больше углубления в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта... Но внезапная смерть вдруг его от нас унесла. Слышно страшное в судьбе наших поэтов. Как только кто-нибудь из них, упустив из виду главное свое поприще и назначение, бросался за другое или же опускался в тот омут светских отношений, где не следует ему быть и где нет места для поэта, внезапная насильственная смерть вырывала его вдруг из нашей среды. Три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью, в течение одного де-

сятилетия, в поре самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих — и никого это не поразило: даже не содрогнулось ветреное племя*.

А. И. ГЕРЦЕН

... Лермонтов никогда не учился надеяться; он не жертвовал собой, так как ничто не требовало этого самопожертвования. Он не шел с гордо поднятой головой к палачу, как Пестель и Рылеев, потому что не мог верить в действительность жертвы; он бросился в сторону и погиб ни за что. Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова. Он написал выразительную оду, в которой, клеймя низкие интриги, предшествовавшие дуэли, — интриги, затеянные министрами-писателями и журналистами-шпионами, — с юношеским негодованием воскликнул: «Отмщенье, государь, отмщенье». Поэт искупил эту единственную непоследовательность ссылкой на Кавказ. Это происходило в 1837 году, а в 1841 году тело Лермонтова было опущено в могилу у подножья Кавказских гор.

И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый..

.....
Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряю..

К счастью мы не потеряли того, что Лермонтов написал за последние четыре года своей жизни. Он всецело принадлежит к нашему поколению. Все мы были слишком юны, чтобы принимать участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели только казни и изгнания. Принужденные к

* «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». ГИХЛ, т. VI, стр. 455.

молчанию, сдерживая слезы, мы выучивались сосредоточиваться, скрывать свои думы — и какие думы! То не были уже идеи просвещающего либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкший к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин. Он влачил тяжесть скептицизма во всех своих фантазиях и наслаждениях. Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, — она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова — это его поэзия, его мучение, его сила. Его симпатия к Байрону была глубже той, что испытывал к поэту Пушкин. К несчастью слишком большой проницательности он прибавил другое — смелость многое высказывать без прикрас и без пощады. Существа слабые, оскорбленные никогда не прощают такой искренности. О Лермонтове говорили как о баловне из аристократической семьи, как о каком-нибудь бездельнике, погибающем от скуки и пресыщения. Никто не хотел видеть, сколько боролся этот человек, сколько он выстрадал, прежде чем решился высказать свои мысли. Люди переносят ругательства и ненависть с гораздо большей снисходительностью, чем известную зрелость мысли, чем одиночество, не желающее разделять с ними ни их надежд, ни их опасений и осмеливающееся подтверждать этот разрыв. Когда Лермонтов уезжал из Петербурга на Кавказ во вторую ссылку, он чувствовал себя усталым и говорил друзьям, что постарается скорее умереть. Он сдержал свое слово.

Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв и которое детям своим предоставляет печальный выбор: или нравственно погибнуть в среде враждебной всему, что есть человеческого, или же умереть в начале

своей жизни? Бездонная пропасть, где гибнут лучшие пловцы, где величайшие усилия, величайшие таланты, величайшие способности исчезают раньше, чем успевают чего-нибудь добиться*.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

... Каково бы ни было безотносительное достоинство произведений Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя и современных нам русских писателей, но они еще милее для нас как залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения, гуманности**.

... О Пушкине мы часто думаем почти так же, как о Лермонтозе, который действительно отнял смертью у русской литературы, далеко не достигнув полного развития своих сил, который в будущем обещал несравненно более того, что успел сделать. Но разница между двумя поэтами в этом отношении огромна. Сравните стихотворения, написанные Лермонтовым в 1836—1837 годах, с его стихотворениями, принадлежащими 1840—1841 годам, и вы увидите в последних огромное превосходство над первыми и по глубине содержания, и по совершенству формы***.

... Началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтов и особенно Гоголь****.

... Чтобы отличить г. Бенедиктова от Лермонтова или Гоголя от Ариоста, вовсе не требуется быть мыслителем*****.

* «О развитии революционных идей в России». Избр. соч., ГИХЛ. М., 1937, стр. 403 — 405.

** Избр. соч. «Сочинения Пушкина», ГИХЛ, 1934, стр. 230.

*** Там же.

**** Там же.

***** «Очерки гоголевского периода русской литературы», стр. 304.

... Решительно ни один из наших поэтов не писал стихов таким безукоризненным языком, как Лермонтов; у самого Пушкина неправильных и натянутых оборотов более, нежели у Лермонтова*.

... Явились Кольцов и Лермонтов. Все прежние знаменитости померкли перед этими новыми**.

... Когда явились Гоголь, Лермонтов и писатели так называемой натуральной школы, возвышать или уничтожать предшествовавших писателей было уже поздно; надобно было только показать ход постепенного развития русской литературы, в существовании которой до того времени сомневались, и определить отношения между различными ее периодами — вот что, действительно, было делом новым и необходимым***.

... Почти исключительно с художественной точки зрения рассматривается и «Герой нашего времени» Лермонтова (в книжках 7 и 8 1840 года). Белинский замечает, что Печорин порожден отношениями, в которых совершается развитие его характера, что он дитя нашего общества; но этим сказанным вскользь замечанием и ограничивается он, не вдаваясь в объяснение вопроса о том, почему именно такой, а не другой тип людей производится нашею действительностью. Он говорит только с общей исторической точки зрения, равно прилагающейся ко всякому европейскому обществу, о том, что Печорины принадлежат периоду рефлексии, периоду внутреннего распада человека, когда гармония, влагаемая в человека природою, уже разрушена сознанием, но сознание не достигло еще полной власти над жизнью, чтобы дать ей новое, разумное единство, новую, высшую гармонию. Белин-

* „Очерки гоголевского периода русской литературы“, стр. 3 4.

** Там же.

*** Там же.

ский прекрасно понимает характер Печорина, но только с отвлеченной точки зрения, как характер европейца вообще, дошедшего до известной поры духовного развития, и не отыскивает в нем особенностей, принадлежащих ему, как члену нашего русского общества*.

... Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров, другого — влияние общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего — связь чувств с действиями; четвертого — анализ страстей; графа Толстого всего более — сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определительным термином.

Из других замечательнейших наших поэтов более развита эта сторона психологического анализа у Лермонтова; но у него она все-таки играет слишком второстепенную роль, обнаруживается редко, да и то почти в совершенном подчинении анализу чувства. Из тех страниц, где она выступает заметнее, едва ли не самая замечательная — памятные всем размышления Печорина о своих отношениях к княжне Мери, когда он замечает, что она совершенно увлеклась им, бросив кокетничанье с Грушницким для серьезной страсти... Тут яснее, нежели где-нибудь у Лермонтова, уловлен психический процесс возникновения мыслей.**

... Участие иностранных литератур в развитии нашего самосознания производилось преимущественно чистыми переводами. Исключение разве за одним байроновским направлением, которое отчасти в

* „Очерки гоголевского периода русской литературы“, стр. 304.

** «Детство и отрочество. Военные рассказы Л. Н. Толстого», стр. 455.

Пушкине, отчасти и в Лермонтове имело у нас достойных представителей, — между тем как самого Байрона мы знали очень мало*.

... В повестях и рассказах Пушкина, Лермонтова, Гоголя общее свойство — краткость и быстрота рассказа**.

... они наши спасители, эти писатели, как Лермонтов и Гоголь***.

... читал «Героя нашего времени» — удивительно хорошо; все более и более нравится****.

... Литература: Гоголь и Лермонтов кажутся недосыгаемыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь*****.

... Лермонтов и Гоголь, которых произведения мне кажутся совершенно самостоятельными, которых произведения мне кажутся, может быть, самыми высшими, что произвели последние годы в европейской литературе, доказывают для меня, у которого утвердилось мнение, заимствованное из «Отеч. записок» (я вычитал его в статьях о Державине), что только жизнь народа, степень его развития определяет значение поэта для человечества, и если народ еще не достиг мирового, общечеловеческого значения, не будет в нем и писателей, которые должны быть общечеловеческими, имели бы общечеловеческое достоинство. Итак, Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия*****.

* «Шиллер в переводе русских поэтов», стр. 463.

** «Эстетические отношения искусства к действительности», стр. 95.

*** «Дневник второй половины 1848 года», ГИХЛ, 1939, стр. 58.

**** Там же.

***** Там же.

***** Там же.

...поклоняюсь Лермонтову, Гоголю, Жоржу Занду более всего*.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

... Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силой Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова**.

... Лермонтов не выказал вполне своих сил и до конца жизни не умел, что называется, стать на свои ноги, потому и не мог образовать нового направления; Кольцов остается особняком до сих пор; его оригинальные опыты оказались тоже недостаточно сильными, чтобы повернуть нашу лирику на новый путь. После них нужен был поэт, который бы умел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как-будто безотчетные порывы Кольцова, и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого не доставало Лермонтову. Нет ни малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвел бы такого поэта; мы даже можем утверждать это не как предположение или вывод, но как совершившийся факт. Но, к сожалению, наступившие вслед за тем события уничтожили всякую возможность высказаться и развиваться в новом таланте тому направлению, которое с двух разных сторон, после Пушкина, прибавилось у нас в Кольцове и Лермонтове (общественная жизнь остановилась; вся литература остановилась; естественно, что и лирика должна была остановиться)***.

* «Дневник 22-го года моей жизни» (1849 — 1850), стр. 297.

** Рецензия на «Стихотворения» Ивана Никитина, СПб, 1860, Полн. собр. соч., т. II, стр. 579.

*** Рецензия на «Перепевы» Стих. обличит. поэта) т. II, стр. 593.

... Десять стихов Лермонтова скажут вам о его характере, взгляде, направлении гораздо больше, нежели о каком-нибудь новейшем лирике десятки стихотворений, в которых он, кажется, и мыслит, и чувствует. Это от того, что там вы видите самостоятельное, живое, личное воззрение поэта, а здесь все мысли — готовые, чувства — рутинные, взгляды от общих начал применяются к частному предмету или случаю, а не от предмета возводятся к общим началам*.

... Избранная библиотека может вообще определить характер и направление человека, и почитатель Гоголя, Лермонтова, Белинского, конечно, не похож будет по характеру своих воззрений на почитателя Державина, Хераскова, Мерзлякова**.

... Лермонтов обладал, конечно, громадным талантом и, умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно.

Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта. К несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко от народа, а слишком ранняя смерть помешала ему даже поражать пороки современного общества с тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживал ни один из русских поэтов***.

* Рецензия на «Перепевы» (Стих. обличит. поэта), т. II, стр. 599.

** Там же, стр. 615.

*** Т. I. «О степени участия народности в развитии русской литературы».

... Мы будем лучше читать самого Лермонтова и оставим в покое те подражания ему, которые составляют поэтами первой молодости*.

... Лермонтова, Кольцова и Некрасова читал я с сочувствием; но это было, — во-первых, скорее согласие, нежели сочувствие и, во-вторых, там возбуждались все отрицательные... чувства, желчь разливалась, кровь кипела враждой и злобой, сердце поворачивалось от негодования и тоскливого, бессильного бешенства: таково было общее впечатление**.

Н. А. НЕКРАСОВ

... Собственно публика считает у нас за последний литературный период пять поэтических имен: Пушкина, Жуковского, Крылова, Лермонтова, Кольцова; некоторые причисляли к ним г. Бенедиктова, но о таковых не следует упоминать. Что касается до первых пяти, то они, действительно, могут быть названы светилами русской поэзии, из которых каждое светит своим собственным светом, не заимствуя ничего у другого. И нет человека на Руси, сколь-нибудь читающего, который не знал бы их. Их стихотворения много раз прочитаны***.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

... «Записки Е. А. Хвостовой», сами по себе, впрочем, довольно бледные, имеют специальный интерес, так как в них передается довольно много подробностей из интимной жизни М. Ю. Лермонтова. Интерес этот еще более усиливается вследствие

* Т. I, стр. 299.

** Т. VI, стр. 471.

*** «Русские второстепенные поэты». Полн. собр. соч., ГИЗ, 1930, т. III, стр. 407.

того, что издателем, по поводу этих «Записок», собрано некоторое количество материалов (напечатанных в приложении к книге), относящихся к биографии знаменитого поэта. Из всех этих материалов читатель, однако ж, едва ли будет в состоянии воспроизвести образ того Лермонтова, который мелькал ему в создателе «Героя нашего времени», «Мцыри», «Сказки для детей» и других произведений, свидетельствующих о внутренней энергии и силе. Судя по рассказам близких к Лермонтову людей, можно заключить, что это был человек, увлекавшийся так называемым светским обществом, любивший женщин и довольно бесцеремонно с ними обращавшийся, наживший себе злословие множество врагов в той самой среде, над которой он ядовито издевался и с которой, однако ж, не имел решимости покончить, и, наконец, умерший жертвою своей страсти к вымучиванию и мистифицированию людей, которых духовный уровень (так, по крайней мере, можно подумать по наивному тону рассказчиков) был ниже лермонтовского только потому, что они были менее талантливы и не отличались особенно ядовитым остроумием. Одним словом, материалы эти изображают нам Лермонтова-офицера, члена петербургских, московских и кавказских салонов, до которого никому из читателей, собственно, нет дела. Но о том, какой внутренний процесс, при столь обыденной и даже пошловатой обстановке, произвел Лермонтова-художника — материалы даже не упоминают. Известно, что Лермонтов был постоянным участником одного из лучших журналов своего времени, которого душою был Белинский (в эпоху наибольшей зрелости своего таланта он исключительно печатался в этом журнале и делал это, конечно, не по легкомыслию) — отчего же вся связь его с Белинским ограничивалась тем, что Белинский не раз пробовал завести с ним серьезный

разговор, а «Лермонтов всякий раз отделялся шуткой»? Известно также, что в начале сороковых годов в Петербурге началось хотя смутное, но все-таки очень хорошее умственное движение — почему же Лермонтов не участвовал лично в этом движении, а предпочел ему сплетни и дразги великосветского общества? Что не боязнь жертв удерживала его — в том убеждают нас те жертвы, которые были им принесены на алтарь того общества, над которым он сам же постоянно глумился. Не было ли тут какой-нибудь китайской стены, которая отделяла поэта от мыслящей среды и держала его в плену между людьми маломысленными, которые были сподручнее потому, что над ними можно было удобно упражнять остроумие? Повторяем: на все эти вопросы книга, изданная г. Семеvским, не дает никакого ответа, так что процесс, посредством которого мысли поистине человеческие нередко проникают в сосуд скудельный, остается, и по прочтении изданных ныне материалов, неразгаданною тайной. Поэтому главным материалом для биографии Лермонтова и теперь остаются исключительно его произведения. Это понял немецкий переводчик Лермонтова Боденштедт, и издатель «Записок» поступил очень разумно, приведя, в числе материалов, мнение этого последнего о нашем поэте (точно так же, как совершенно неосновательно, напечатав «Заметку» г. Лонгинова, заключающуюся в том, что в 1836 г. в Коломне, за Никольским мостом, в доме Арсеньева, на святой неделе, Лермонтов прочитал г. Лонгинову несколько стихов из драмы «Маскарад»). Хотя это мнение и не выяснило нам всего Лермонтова, но оно указывает, с какими требованиями следует приступать к характеристике этой личности. Вот один отрывок из статьи Боденштедта:

«Произнося суд над умом, выходящим из ряда обыкновенных, следует брать мерилom не то, что в

нем есть общего с толпою, которая стоит ниже его, а то, что отличает его от этой толпы и возвышает над нею. Недостатки Лермонтова были недостатками всего светского молодого поколения в России; но достоинств его не было ни у кого. Вернейшее изображение его личности все-таки останется нам в его произведениях, где он высказывается вполне таким, каким был»...

Как прием для охарактеризования замечательных личностей, это мнение весьма верно, и можно только пожалеть, что Боденштедт не настолько был близок к Лермонтову, чтобы рассказать нам внутреннюю жизнь поэта, не ограничиваясь тесною сферой пожиманий и целований ручек, дуэлей, острословия и пр.*

... Всякому, кому привелось читать «Вареньку», «Тамарина» и пр., непременно приходил на память «Герой нашего времени» Лермонтова. Но ежели всякий и теперь помнит и Печорина, и Максима Максимыча, и Грушницкого, и Белу, и княжну Мери, то, конечно, никто не помнит, кто были действующими лицами в «Тамарине» или «Вареньке».**

И. С. ТУРГЕНЕВ

... Лермонтова я видел всего два раза: в доме одной знатной петербургской дамы княгини Шаховской, и несколько дней спустя, на маскараде в загородном собрании под новый 1840 год. У княгини Шаховской я, весьма редкий, непривычный посетитель светских вечеров, лишь издали, из уголка, куда я забился, наблюдал за быстро вошедшим в славу поэтом. Он поместился на низком табурете перед диваном, на котором, одетая в черное платье, сиде-

* Рецензия на «Записки Е. А. Хвостовой», т. VIII, 1870.

** Рецензия на роман Авдеева «Меж двух огней», 1869, т. VIII, стр. 341.

ла одна из тогдашних столичных красавиц — белокурая графиня Мусина-Пушкина — рано погибшее, действительно прелестное создание.

На Лермонтове был мундир лейб-гвардии гусарского полка: он не снял ни сабли, ни перчаток, и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривал на графиню. Она мало с ним разговаривала и чаще обращалась к сидевшему рядом с ним графу Ш—у, тоже гусару. В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой подозрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взгляд странно не согласовался с выражением почти детски-нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, низмистая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий. Известно, что он до некоторой степени изобразил себя в Печорине. Слова: «Глаза его не смеялись, когда он смеялся» и т. д. действительно применялись к нему. Помнится, граф Ш. и его собеседница внезапно засмеялись чему-то и смеялись долго; Лермонтов так же засмеялся, но в то же время с каким-то обидным удивлением оглядывал их обоих.

Несмотря на это, мне все-таки казалось, что и графа Ш—а он любил, как товарища, и к графине питал чувство дружелюбное. Не было сомнения, что он, следуя тогдашней моде, напустил на себя известного рода байроновский жанр с примесью других, еще худших капризов и чудачеств. И дорого же он поплатился за них! Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко: он задыхался в тесной сфере, куда его втокнула судьба. На балу дворянского собрания ему не давали покоя, беспрепятственно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другой, а он почти не сходил с

места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои мрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.*

И. А. ГОНЧАРОВ

... И у Пушкина и у Лермонтова веет один родственный дух, слышится один общий строй лиры, иногда являются будто одни образы, — у Лермонтова может быть более мощные и глубокие, но зато менее совершенные и блестящие по форме, чем у Пушкина. Вся разница в моменте времени. Лермонтов ушел дальше временем, вступил в новый период развития мысли, нового движения европейской и русской жизни и опередил Пушкина глубиной мысли, смелостью и новизной идей и полета**.

... Черты пушкинской, лермонтовской и гоголевской творческой силы доселе входят в нашу плоть и кровь, как плоть и кровь предков переходит к потомкам...***

... На всех сферах еще лежала обломовщина, тихое, монотонное течение сонных привычек, рутина. Живое дело только что просыпалось... Не было целой рати пишущих, рассадника, литературной школы, почти не было журналистики; все работало робко, по уголкам. Только огромные таланты Пуш-

* «Литературные воспоминания», Полн. собр. соч., изд. Глазунова, т. X.

** «Лучше поздно, чем никогда», Полн. собр. соч. Гончарова, изд. Маркса, т. I, стр. 45.

*** Там же, стр. 45.

кина и Лермонтова являлись отдельными яркими звездами, а кругом их почти никого*.

... Гомер, Сервантес, Шекспир, Гете и другие, а у нас, прибавим от себя, Фонвизин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, — стремились к правде, находили ее в природе, в жизни, и вносили в свои произведения**.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

... Чуть лишь он (Лермонтов) коснется народа, тут он светел и ясен. Он любит русского солдата, казака, он чтит народ. И вот он... пишет бессмертную песню о том, как молодой купец Калашников, убив за бесчестье свое государева опричника Кирибеевича и призванный царем Иваном пред грозные его очи, отвечает ему, что убил он государева слугу Кирибеевича «вольной волею, а не нехотя...»

... Образ «русского раба» должно быть поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попрека за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую, царю «всю правду истинную», что убил его любимца «вольной волею, а не нехотя»***.

А. А. ГРИГОРЬЕВ

... Многим может показаться странным, конечно, что мы признаем Гоголя исходною историческою точкою. Что же оставите вы Лермонтову? спросят нас без сомнения, — Лермонтову, которого влияние стяготело так видимо над многими из наших совре-

* «Лучше поздно, чем никогда», Полн. собр. соч. Гончарова, изд. Маркса, т. I, стр. 53.

** Там же, стр. 80.

*** «Дневник писателя», декабрь 1877 г. (Собр. соч., изд. Маркса, 1895, т. II, стр. 426).

менных писателей? Ужели вы вычеркнете его вовсе из современного прогресса, ужели вы так слепы, чтобы не видеть, что и он также с своей стороны отразил в нем весьма значительную часть вас самих, ваших верований или вашего скептицизма, ваших убеждений или вашего разубеждения? — ужели глухи вы на звуки тех струн, которых коснулся великий, рано похищенный судьбою поэт, ужели чужды вам те стоны, болезненные и раздирающие стоны, которые так могущественно отозвались на этой железострунной лире? Нет, скажем мы в ответ, не глухи мы на эти стоны безвыходной скорби и страдания. Мы также в свою очередь поддавались их обаянию, обаянию того демона, который, «как царь немой и гордый», сиял.

Такой волшебной-сладкой красотой,
Что было страшно — и душа тоскою
Сжималась..*

... Все что Лермонтов успел сказать, он сказал как поэт — поэт истинный и новый, каким был он в возможности; не его вина, что он не успел сказать большего, и что сказанное им повторялось на тысячу разных ладов. Не его вина, что, когда появлялись какие-нибудь напряженные стишонки, написанные в подражание ему, наши критики приветствовали их чуть-что не восторженными похвалами; не его вина, что его действительные страдания, в нем самом еще не перегоревшие, взяты были напрокат другими, доведены до смешного, истасканы и опошлены как прихоть моды; не его вина, что слышался повсюду нескладный вой про гордое страданье, что каждый юноша, не в меру пользовавшийся жизнью, толковал о праве проклятия, или воображал себя пророком, в которого

* «Русская литература в 1851 г.», Соч., т. I, стр. 8, СПб, 1876.

ближние кидают бешено камёнья. Вероятно, самому поэту, если б он дожил до этого,

Все это стало бы смешно
Когда бы не было так грустно...*

... Лермонтов уже прямо и бестрепетно начинает с того, чем безнадежно и отчаянно кончил Полежаев, — с положительной невозможности процесса нравственного возрождения: о чем Полежаев еще стонает, если не плачет, — о том Лермонтов говорит уже с холодной и иронической тоской... Лермонтов — без страха и угрызений, с ледяной иронией, становится на сторону тревожного, отрицательного начала в своем «Демоне» и в своей «Сказке для детей»; он с ядовитым наслаждением идет об руку с мрачным призраком, им же вызванным: видит вместе с ним

... с невольною отрадой,
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой
И страшных тайн везде печальный ряд...**

С. Т. АКСАКОВ

... Я прочел Лермонтова «Героя нашего времени» в связи и нахожу в нем большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтов прозаик будет выше Лермонтова стихотворца.***

А. П. ЧЕХОВ

... Лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка», не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой****.

* «Русская литература в 1851 г.». Соч., т. I, стр. 22, СПб, 1876.

** «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», Соч., т. I, стр. 295.

*** «Литературные и театральные воспоминания», П. 1918.

**** Несобранные письма, Л., 1927.

... Уже в стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты, почти незаметные у Пушкина — это жадное желание активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, — была вообще свойственна людям тех годов; удовлетворялось это стремление поездками на Кавказ, участием в боях с черкесами, кутежами и скандалами, за которые, порою, люди платили всю жизнь. У Лермонтова эта тоска принимает особенно резкие контуры...*

... Лермонтов действительно понял песнь Пушкина, понял его значение, и один он проводил гроб поэта криком злобы, тоски и мести: стихи на смерть Пушкина справедливо считаются одним из сильнейших стихотворений в русской поэзии**.

... Возвратимся к Печорину, герою того времени: между ним и его автором нет уже того полного слияния в одно лицо, которое мы находим между Пушкиным и Онегиным. Чем это объясняется? Прежде всего тем, что Лермонтов и сам — недопетая песня и не успел весь высказаться. Печорин был для него слишком узок, следуя правде жизни, поэт не мог наделить своего героя всем, что носил в своей душе, а если бы он сделал это — Печорин был бы неправдив.

Иначе говоря, — Лермонтов был и шире и глубже своего героя. Пушкин еще любит Онегиным, Лермонтов уже относится к своему герою полуравнодушно. Печорин близок ему, поскольку в Лермонтове есть черты пессимизма, но пессимизм в Лермонтове — действительное чувство, в этом пессимизме ясно звучит презрение к современности и от-

* «История русской литературы», Гослитиздат, 1939, стр. 160.

** Там же, стр. 162.

рицание ее, жажда борьбы и тоска, и отчаяние от сознания одиночества, от сознания бессилия. Его пессимизм весь направлен на светское общество.

«Песня о купце Калашникове» дает нам право думать, что Лермонтов, — живи он дольше, — нашел бы свой путь, что он достойный преемник Пушкина, обладавший огромным талантом, и мог бы, со временем, развиться в первоклассного народного поэта.*

Ал. Ал. БЛОК

... Отлетевший дух Пушкина как бы снизошел на Лермонтова. В этом году (в 1837. — В. 3.) его дар совершенно окреп и определился; поэт претворил в себе все влияние литературы и жизни и стал самим собой; последним четырем годам его жизни мы обязаны всемирно его великими созданиями.

Общество проводило Лермонтова на Кавказ сочувственно, видя в нем невинную жертву. Стихи «На смерть Пушкина» создали поэту первую славу.**

... Творчество Лермонтова оказало влияние на Достоевского, Тургенева, Фета, Полонского, Григорьева, на многих поэтов, нам современных.***

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

... Мы очень рекомендуем рассмотреть мирозерцание и судьбу Лермонтова параллельно с мирозерцанием и судьбой Пушкина. Ближайшее рассмотрение показывает гораздо большую родственность между обоими поэтами, чем это кажется с

* «История русской литературы», Гослитиздат, 1939, стр 164 — 165.

** «Лермонтов», Полн. собр. соч., Изд-во писателей в Ленинграде, т. XI, стр. 218.

*** Там же.

первого взгляда. На Лермонтове сказывается почти та же закономерность, что и на Пушкине.*

... Лермонтов до конца своих дней остался верным революции. Нечего и говорить, что во всей нашей литературе найдется немного стихотворений, полных такими живыми раскатами благородного гнева против аристократических паразитов, как великое стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина». Но и вся надорванность Лермонтова, его «Герой нашего времени», о котором чуткий Белинский говорил, что это человек могучий, таящий в себе широкие возможности, но попавший в безвременье; его удивительно печальное «Я гляжу», где все свое поколение (и себя в том числе) Лермонтов клянет именно в качестве жертв безвременья,—все эти произведения свидетельствуют о том, что тоска Лермонтова была не тоской тунеядца, щеголявшего в гамлетовском плаще, что этот мрак порожден был именно невозможностью найти жизненные формы, которые были бы по плечу его гигантской и мятежной натуре.**

... Ослепительным метеором промелькнул гений Лермонтова на сумрачном небе тридцатых годов. В шестнадцать лет он писал стихи, которые могли поставить его близко к вершине русской поэзии, в двадцать восемь его уже не было. Но наша молодежь должна знать подлинного Лермонтова и должна чтить его, ибо он ее родной старший брат; он всю жизнь был молод, но молодость его кипела страстью, протестом и тоской. Группа комсомольцев с глубоким волнением прочла на памятнике Пушкина в Остафьево слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Лермонтов своими революционными стихами также за целое столетие шлет свой

* «Классики русской литературы», М. 1937, стр. 120.

** Там же, стр. 187.

привет продолжателям русской революционной поэзии.*

... Почти у всякой русской писательской могилы, у могилы Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Толстого и многих, многих других, почти у всех можно провозгласить страшную революционную анафему против старой России, ибо всех их она либо убила, либо искалечила, обузила, обгрызла, завела не на ту дорогу. Если же все они остались великими, то вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она.**

* «Классики русской литературы», М. 1937, стр. 188.

** Там же, стр. 196.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Книги и статьи

Абрамович Дм., Лермонтов (См. «Русский биографический словарь» Лабзина-Лешенко), Спб., 1914, стр. 265—315.

Биография Лермонтова и библиография.

Висковатый П. А., Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество, изд-во В. Ф. Рихтера, М., 1891, стр., 454, Приложение 1 — 24 стр.

Наиболее полная из существующих биографий М. Ю. Лермонтова. Ценна главным образом обилием фактического материала.

Ениколопов И. К., Лермонтов на Кавказе, Тбилиси, 1940.

Ефимов П. А., Дуэль или убийство?, журн. «Октябрь», 1938, № 7, стр. 210 — 216.

Описание дуэли Лермонтова с Мартыновым. Автор статьи доказывает, что «смерть Лермонтова была преднамеренным актом расправы консервативных групп общества, возглавляемого Николаем I».

Здобнов Н., Лермонтов и цензура, «Литературная газета», 1938, № 47 (26/III), стр. 4.

О запрещенных и искаженных стихах Лермонтова. А. Н. Майков и И. А. Гончаров в роли цензоров поэта.

Здобнов Н., Литературное наследство Лермонтова и его наследники, «Литературная газета», 1938, № 49 (5/IX), стр. 6.

Колпинский В., М. Ю. Лермонтов в Московском университете. Товарищи и профессора, Сб. «Русское прошлое», Исторические сборники, 5. «Петроград», П. — М. 1923, стр. 121 — 133.

«М. Ю. Лермонтов». Обзор источников для биографии. Материалы для биографии и литературной характеристики, См. полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова под ред. и с примеч. проф. Д. И. Абрамовича, т. V, изд. Академии наук, Спб. 1913, стр. I — СХХVIII.

Мануйлов В., Записки неизвестного гусара о Лермонтове, журн. «Звезда», 1936, № 5, стр. 183 — 196.

Мануйлов В., М. Ю. Лермонтов. Новые тексты и материалы, «Вестник Академии наук СССР», 1934, № 10, стлб. 13 — 20.

Мануйлов В., Новые воспоминания о Лермонтове, «Литературный архив», Материалы по истории литературы и общественного движения, М.—Л., 1938, стр. 426—431.

Мануйлов В. и Арсеньева Е. А., Новые письма Лермонтова (Новое о Лермонтове), журн. «Литературное наследство», 1935, № 19/21, стр. 510 — 516.

Нечаева В., Новые данные об убийстве Лермонтова, «Правда», 1938, № 274 (4/X), стр. 4.

Материалы судебного процесса над участниками дуэли Лермонтова, рисующие роль Николая I в гибели поэта.

Николаева М. Ф., М. Ю. Лермонтов, Пятигорск, 1940.

Пахомов Н., М. Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве, журн. «Книжные новости», 1937, № 18, стр. 29 — 31.

Пахомов Н., Портреты Лермонтова, журн. «Литературное наследство», 1935, № 19/21, стр. 517 — 530.

Семенов Л. П., К пребыванию М. Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. (По архивным материалам), журн. «Известия Северо-Кавказского педагогического института», т. II, Владикавказ, 1924, стр. 39 — 58.

Сердцев Н., Правда о дуэли Лермонтова, газ. «Северо-Кавказский большевик», Пятигорск, 1935, 3 — 14 августа.

Скабичевский А. М., М. Ю. Лермонтов. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк, изд. 3, изд-во Ф. Павленкова (Биографическая библиотека), Спб., 1912.

Сушкова Е., (Е. А. Хвостова), Записки 1812 — 1846, первое полное издание, с тремя портретами и автографом, «Academia», Л. 1928, стр. 446.

Шувалов С. В., М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах, изд-во Думнова, М., 1923, стр. 128.

Шеголев П. Е., Книга о Лермонтове, вып. 1 и 2, «Прибой», Л., 1929, стр. 247 и 337.

Эйхенбаум Б., Жизнь М. Ю. Лермонтова, М. Ю. Лермонтов, избранные произведения, Детиздат, М.—Л., 1936, стр. 5—57.

Эйхенбаум Б., М. Ю. Лермонтов (биография), из серии Жизнь замечательных людей, Детиздат, М.—Л., 1936, стр. 157.

Эйхенбаум Б., М. Ю. Лермонтов, журн. «Литературное обозрение», 1938, № 20, стр. 69—73.

Яковкина Е. и Новикова А., Как был убит Лермонтов, «Литературная газета», 1938, № 57 (15/X), стр. 4.

Авторы статьи указывают, что причины дуэли Лермонтова следует искать, выясняя конкретную роль Николая Ги правящих кругов в этом деле.

II. МАТЕРИАЛЫ О ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

а) Дореволюционная литература

Белинский В. Г., Критические статьи о Лермонтове, ГИЗ, 1923, стр. 225 (См. также Поли. собр. соч. Белинского под ред. С. А. Венгерова, т. V и VI, Спб., 1891).

«Венок М. Ю. Лермонтову» Юбилейный сборник, изд-во В. В. Думнова. М.—П. 1914, стр. 389.

Григорьев Ап., Собр. соч. под ред. В. Ф. Саводника, вып. 7, Лермонтов и его направление (Крайние грани развития отрицательного взгляда), изд. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, М., 1915, стр. 96.

Добролюбов Н., Первое Полн. собр. соч. под ред. М. Лемке, изд-во А. Панафидиной, Спб.; 1911 (Высказывания Добролюбова о Лермонтове имеются во всех томах. См. по «Алфавитному указателю» т. IV, стр. 971).

Зелинский В., Русская критическая литература о произведениях М. Ю. Лермонтова, Хронологический сборник критико-библиографических статей, ч. I—II, М., 1897.

Котляревский Н., М. Ю. Лермонтов Личность поэта и его произведения, Опыт историко-литературной оценки, изд. 5, П., 1915.

Михайловский Н., Герой безвременья (см. собр. соч., т. V, стр. 303—347).

Овсяннико-Куликовский Д. Н., М. Ю. Лермонтов, «Прометей», Спб., 1914, стр. 141.

Покровский В., Михаил Юрьевич Лермонтов. Его жизнь и сочинения, сб. историко-литературных статей, изд. 5, доп., изд-во Кушнерева, М., 1916, стр. 378.

Пыпин А. Н., Лермонтов (См. А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. IV, гл. X, Спб., 1913).

Чернышевский Н., Очерки гоголевского периода русской литературы (См. Полн. собр. соч., т. II, Спб., 1905).

б) Литература 1918 — 1941 гг.

Книги

Дурылин С. Н., «Герой нашего времени М. Ю. Лермонтова», Учпедгиз, 1940.

Дурылин С. Н., Как работал Лермонтов, «Мир», М., 1934, стр. 127.

Закруткин В., Пушкин и Лермонтов. Исследования и статьи, Ростов на Дону, 1941.

Кадмин Н., М. Ю. Лермонтов. Жизнь, личность и творчество, М. 1918, стр. 27.

«Пятигорье — Лермонтову», Литературный сборник, посвященный памяти М. Ю. Лермонтова. Первое чествование за время после революции, под общей редакцией М. И. Санаева, рис. худ. Риди, Пятигорск, 1923, стр. 85.

Цинговатов А., Сложность перспектив лермонтовского творчества (Психологический этюд), М. 1918, стр. 16.

Ширипов Х. Д., Что послужило Лермонтову сюжетом для поэмы «Измаил-Бей»? Историко-литературное исследование, Грозный, Чеченский обл. музей, 1929, стр. 31.

Шувалов С. В., М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество, ГИЗ, М. — Л., 1925, стр. 192.

Эйхенбаум Б., Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки, ГИЗ, Л., 1924, стр. 166.

Яковлев М. А., М. Ю. Лермонтов как драматург, «Книга», М., 1924, стр. 259.

в) Литература 1918 — 1938 гг.

Статьи

Абрамович Г. Л., «Герой нашего времени» Лермонтова, журн. «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3, стр. 49 — 56.

Абрамович Г. Л., О характере лирики М. Ю. Лермонтова, журн. «Литература в школе», 1938, № 3, стр. 39—47.

Андреев С., Лермонтов и реакция (Эпизод литературной борьбы 40-х годов), журн. «30 дней», 1938, № 7, стр. 88—90.

Бем А. Л., «Самоповторения» в творчестве Лермонтова, Историко-литературный сборник, Посвящается В. И. Среднескому (1891—1916 гг.), Академия наук, Л., 1924, стр. 269—290.

Блок А., Лермонтов, Собр. соч., т. XI, История литера-

туры. 1903—1921, изд-во писателей, Л., 1934, стр. 213—221 и 376—423.

Брейтман М. Я., Лермонтов, Байрон и Шендолле, журн. «Вестник литературы», 1922, № 2—3, стр. 9—10.

Виноградов В., Язык Лермонтова, журн. «Русский язык в школе», 1938, № 3, стр. 35—63 (То же в книге В. Виноградова, Очерки по истории русского литературного языка XVIII—XIX вв., Учпедгиз, М., 1938, стр. 269—300).

Горький М., О М. Ю. Лермонтове. Предисловие С. Балухатого, «Известия», 1937, № 49, (24/II), стр. 3.

Из лекций по истории литературы, читанных М. Горьким в Каприйской школе в 1909 г.

Докусов А., «Вадим», журн. «Звезда», 1938, № 9, стр. 191—200.

Русская общественная жизнь 30-х годов и литературные влияния, определившие характер первой юношеской повести Лермонтова «Вадим».

Донов М., Собр. соч. Лермонтова, журн. «Литературное обозрение», 1937, № 7, стр. 36—40.

Отзыв о Полном собр. соч. М. Ю. Лермонтова в изд. «Academia», М. — Л., 1935—1937.

Ефимова З. С., Из истории русской романтической драмы, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова в кн. «Русский романтизм», сб. статей под ред. А. И. Белецкого, «Academia», Л., 1927, стр. 26—50.

Жданов В., Огненная душа, «Правда», 1937, № 19 (19/1), стр. 4.

Заславский Д., Наследник Пушкина, «Правда», 1937, № 19, (19/1), стр. 4.

Кирпотин В., Историческое значение творчества Лермонтова, «Литературная газета», 1938, № 47, стр. 4.

Кирпотин В., Лермонтов и Щедрин, журн. «Огонек», 1938, № 35/36, стр. 9.

Лобов Л., Архаизмы в языке лермонтовской прозы, (К эволюции литературного языка), «Ученые записки Пермского государственного университета», № 1, отд. обществ. наук, вып. 1, Пермь, 1939, стр. 97—110.

Луначарский А., М. Ю. Лермонтов. Классики русской литературы (избранные статьи), Госполитиздат, М., 1937, стр. 175—188.

Мануйлов В., Певец народа, «Известия», 1937, № 174, стр. 4.

Нейман Б., Драматургия Лермонтова, журн. «Театр», 1938, № 9, стр. 64—73.

Нейман Б., Лермонтов и театр, журн. «Октябрь», 1938, № 12, стр. 229—239.

Нейман Б., Эволюция стиля и сюжетов Лермонтова, сб. «Родной язык в школе», кн. 5, М., 1927, стр. 99—109.

Плиско Н., Лермонтов и Маяковский, журн. «30 дней», 1938, № 7, стр. 73—79.

Попов П., Мистификация (Лермонтов и Оммер-де-Гель), журн. «Новый мир», 1935, № 3, стр. 282—293.

Статья, доказывающая, что записки Оммер-де-Гель («Письма и заметки», «Academia», М.—Л., 1933) является вымыслом П. П. Вяземского о Лермонтове и его отношениях к Оммер-де-Гель.

Поспелов Г. Н., «Песня про купца Калашникова», журн. «Литература в школе», 1936, № 6, стр. 32—47.

Розенталь М., В защиту Лермонтова, журн. «Литературный критик», 1938, № 9—10, стр. 74—84.

О статье В. Кирпотина, напечатанной в «Литературной газете» № 47 за 1938 г.

Тимофеев Л., Стих наших классиков, «Правда», 1937, № 19 (19/1), стр. 4.

Пушкин и Лермонтов.

Шувалов С. В., К социологическому анализу поэмы Лермонтова «Демон», сб. «Памяти П. Н. Сакулина», «Никитинские субботники», М., 1931, стр. 335—347.

Шувалов С. В., Новый Лермонтов, журн. «Литературный критик», 1936, № 3, стр. 174—181.

Эйгес И., Отзвуки «Вертера» в творчестве Лермонтова, журн. «Атеней», Историко-литературный временник, кн. 3, Труды Пушкинского дома Академии наук СССР, Л., 1936, стр. 155—156.

Эйхенбаум Б., Лермонтов как историко-литературная проблема, См. «Атеней», Историко-литературный временник, кн. 1—2, «Атеней», Л., 1924, стр. 79—111.

Эйхенбаум Б., О Лермонтове. См. Б. Эйхенбаум, Мелодика русского лирического стиха, II, ОПОЯЗ, 1922, стр. 90—118.

Эйхенбаум Б., Основные проблемы изучения Лермонтова, журн. «Литературная учеба», 1935, № 6, стр. 21—40.

Изучение биографии Лермонтова и общественных событий его времени, как ключ к пониманию творчества поэта.

Эйхенбаум Б. Пушкин и Лермонтов, журн. «Смена», 1937, № 2, стр. 20—22.

Эйхенбаум Б., Творчество Лермонтова. См. Лермонтов, Полн. собр. соч., ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. III—XXXI.

Юнович М., Великий русский поэт, «Правда», 1937, № 19 (19/1), стр. 4.

Якубович Д. П., Лермонтов и Вальтер Скотт, «Известия Академии наук СССР», серия 7, Отделение общественных наук, 1935, № 3, стр. 243—272.

ПРИМЕЧАНИЯ

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — величайший русский критик, оказавший передовое идейное влияние на всю русскую литературу. Белинский первый обратил внимание на творчество Лермонтова. Лермонтову посвящены статьи Белинского: «Стихотворения М. Ю. Лермонтова» (Отечественные записки, 1841, № 2, т. 14), «Герой нашего времени» (Отеч. записки, 1840, № 6—7), «Герой нашего времени» (Отеч. записки, 1844, № 2, т. 32). Кроме того Белинский упоминает о Лермонтове в ряде своих работ: «Русская литература в 1840 году», «Русская литература в 1843 г.», «Из литературных и журнальных заметок 1843 года», «Мысли и заметки о русской литературе», «Взгляд на русскую литературу 1846 года», а также в ряде писем (См. А. Н. Пыпин, Белинский, его жизнь и переписка, СПб, 1908, стр. 285, 194, 302, 303 и др.).

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт-декабрист, близкий друг А. С. Пушкина. За участие в революционном восстании 14 декабря 1825 г. приговорен к каторге. Свыше 20 лет провел в крепостных казематах, на каторге, в ссылке, где и умер. В жестоких условиях каторги Кюхельбекер настойчиво занимается литературным творчеством и в то же время с жадностью изучает те немногие журналы и книги, которые с трудом до него доходят. (Дневник В. К. Кюхельбекера, «Прибой», 1929, стр. 270—271, 290—291).

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — великий русский писатель. С Лермонтовым Гоголь познакомился, вероятно, в салоне А. О. Россет-Смирновой и встречался с ним неоднократно.

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — русский народный поэт, друг Белинского. Последний руководил работой Кольцова над изучением литературы и философии.

фии. Под идейным влиянием Белинского Кольцов духовно рос и обогащался. Как раз в годы близкой дружбы с Белинским, Кольцов начинает внимательно и с увлечением изучать творчество Лермонтова.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — знаменитый русский общественный деятель, мыслитель, писатель и публицист. Характеристика, которую дает Лермонтову Герцен в приведенной нами статье, очень значительна и по глубине мысли и по остроте суждений. Эта характеристика вместе с тем важный историко-литературный документ, свидетельствующий о том, как воспринимались произведения Лермонтова революционно-демократическими кругами.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — великий русский революционер-демократ, критик и писатель. Еще в студенческие годы Чернышевский увлекается Лермонтовым, переписывает даже такие большие произведения Лермонтова, как «Герой нашего времени», и много раз упоминает о Лермонтове в своем дневнике. Чернышевский особенно подчеркивает идейное значение поэзии Лермонтова в своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», а также в ряде статей.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1860) — знаменитый русский критик, революционер-демократ, ближайший соратник Чернышевского. Не посвятив ни одной специальной статьи Лермонтову, Добролюбов много раз в своих статьях и письмах касался творчества Лермонтова, вскрывая его идейное значение (См. Алфавитный указатель к Полному собр. соч. Добролюбова, ГИХЛ, Москва, 1939).

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — великий русский народный поэт, революционер-демократ. Некрасов очень высоко чтит Лермонтова. Сам поэт находился под большим влиянием творчества Лермонтова, развивая традиции революционной, гражданской лирики, блестяще представленной Лермонтовым.

Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1828—1889) — знаменитый русский сатирик, революционер-демократ. Перу Салтыкова-Щедрина принадлежит ряд превосходных критических статей и рецензий.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — великий русский писатель. Живя во Франции, многое сделал для того, чтобы познакомить европейского читателя с творчеством Пушкина, Лермонтова. Он горячо приветствовал прозаический перевод «Демона» на английский язык, сделанный Стефеном, сам Тургенев переводит на французский язык поэму «Мицри» в 1865 г. На международном литературном конгрессе в Париже в 1878 г. Тургенев уже с гордостью называет имя Лермонтова, как крупнейшего представителя русской литературы.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891)— известный русский писатель. Гончаров учился с Лермонтовым в Московском университете в 1830—1832 гг. В статье «В университете» Гончаров пишет: «Нас, первогодичных, было, помнится, человек сорок. Между прочим тут был и Лермонтов, впоследствии знаменитый поэт, тогда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть. Он недолго пробыл в университете. С первого курса он вышел и уехал в Петербург. Я не успел познакомиться с ним» (Гончаров, полн. собр. соч., изд. Маркса, т. XII, стр. 16—17).

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881)— знаменитый русский писатель. На протяжении своей творческой деятельности Достоевский много раз касался вопроса о народности литературы. Оценивая творчество Лермонтова, он настойчиво подчеркивал демократизм и народность поэта.

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864)— русский критик и поэт. К теме о Лермонтове Ап. Григорьев обращался много раз. Заслугой критика была горячая защита Лермонтова, когда реакционные журналисты, вроде Бурачка, ополчились против лермонтовской поэзии.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859)— известный русский писатель. Упоминает о Лермонтове в своих воспоминаниях и письмах.

Чехов Антон Павлович (1860—1904)— великий русский писатель.

Горький Алексей Максимович (1868—1936)— великий писатель, основоположник советской литературы. Лермонтова Горький читал еще в детстве и позже отмечал, какое огромное влияние оказал на него поэт (См. «В людях» Горького).

Блок Александр Александрович (1880—1921)— русский поэт. Блок испытал в своем творчестве глубокое и благодетельное влияние Лермонтова. В 1919—1920 гг., незадолго до смерти, Блок редактировал и комментировал избранные сочинения Лермонтова.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933)— политический деятель-большевик, литературовед и критик. Темы о Лермонтове Луначарский касался несколько раз в своих статьях и публичных выступлениях.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	2
В. Закруткин—Михаил Юрьевич Лермонтов	3
Русские писатели и критики о Лермонтове	61
В. Г. Белинский	61
В. К. Кюхельбекер	77
А. В. Кольцов	78
Н. В. Гоголь	79
А. И. Герцен	82
Н. Г. Чернышевский	84
Н. А. Добролюбов	88
Н. А. Некрасов	90
М. Е. Салтыков-Щедрин	90
И. С. Тургенев	93
И. А. Гончаров	95
Ф. М. Достоевский	96
А. А. Григорьев	96
С. Т. Аксаков	98
А. П. Чехов	98
А. М. Горький	99
Ал. Ал. Блок	100
А. В. Луначарский	100
Библиографический указатель	103
Примечания	109

Редактор *Н. К. Иванов*

54-6783. Тираж 8.500. Подп. к печати 31-III 1941 г.
 ПК. № 01. Объем 3,5 п. л. (53 280 зн. в 1 п. л.)
 Цена 1 р. 25 к. Ростов н-Д., Гостипография им.
 Коминтерна РОУИиП и ф ка беловых товаров
 „Красный Переплетчик“ РОМП. Заказ № 767.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

14/XII 5653

30/III 6359

26/II 6005

11/XI

21/VI

11/II 6005

14/XII 466

31/II 6005

2/IV - 657

28/II 6399

8/II 6923

27/II 6407

13/II 6552

Колич. предыд. выдач _____

60-00

цена 1 р. 25 к.

Р О С Т И З Д А Т

Ростов н-Д., Ворошиловский пр. 14

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

ОБЛКОИЗ — Ростов н-Д., Московская, 3

ОБЛПОТРЕБ ОЮЗ — КНИЖНАЯ БАЗА —

Ростов н-Д., ул. Шаумяна, 60